

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАЦИИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

*Материалы всероссийской научной конференции
адъюнктов, аспирантов и соискателей
(19 мая 2020 г.)*

Выпуск 16

Омск
ОМА МВД России
2020

УДК 34 (082)
ББК 67 в=67 я54
П71

Редакционная коллегия: *И. В. Сидорова*, кандидат юридических наук — председатель; *В. Н. Борков*, доктор юридических наук, доцент — зам. председателя; *В. В. Бабурин*, доктор юридических наук, профессор; *О. И. Бекетов*, доктор юридических наук, профессор; *Т. Е. Грязнова*, доктор юридических наук, доцент; *И. А. Вормсбехер* — ответственный секретарь.

Преимственность и новации в юридической науке : мат-лы
П71 всерос. науч. конф. адъюнктов, аспирантов и соискателей (Омск, 19 мая 2020 г.) / отв. за вып. канд. юрид. наук И. В. Сидорова. Омск : Омская академия МВД России, 2020. Вып. 16. — 112 с.

ISBN 978-5-88651-750-7

В сборнике публикуются тезисы докладов и сообщений участников научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей Омской академии МВД России и других юридических вузов. Освещается широкий круг теоретических и практических проблем развития права.

Издание адресовано студентам, курсантам и слушателям образовательных организаций МВД России.

УДК 34 (082)
ББК 67 в=67 я54

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА.
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ.
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО.
КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС.
МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО.
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО.
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Д. В. Андреев

(Омская академия МВД России)

**ОСОБЕННОСТИ УЧЕТА ПРОДАЖИ НЕЛЕГАЛЬНОЙ
АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ**

Проблемы, связанные с незаконным оборотом алкогольной продукции, постоянно находятся в сфере внимания юристов, ученых и практиков. В современных условиях возникает необходимость продолжить исследование с учетом новых задач, поставленных перед правоохранительными органами на Коллегии МВД России 26 февраля 2020 г.

Продажа алкогольной и спиртосодержащей продукции — это особый вид предпринимательской деятельности, который регулируется федеральным законодательством и процедурой лицензирования. Это высокоприбыльный бизнес. Согласно данным аналитического центра при Правительстве Российской Федерации в период с января по август 2019 г. прибыль с акцизного сбора алкогольного рынка составила 235,4 млрд рублей¹.

При условии постоянного спроса на алкогольную и спиртосодержащую продукцию среди населения данный вид предпринимательской деятельности постоянно развивается. Вместе с тем развивается и нелегальный оборот алкогольной продукции, осуществляемый гражданами.

¹ Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/25159.pdf> (дата обращения: 19.04.2020).

О. Н. Бекетова отмечает, что в настоящее время продажи крепкого алкоголя, находящегося в легальном обороте, снизились на 15%, при росте потребления суррогатов на 17% ².

По объективным причинам данные относительно объема алкогольной продукции, находящейся в незаконном обороте, отсутствуют. Однако международной исследовательской организацией «Euromonitor International» установлено, что на территории России контрафактная и незарегистрированная алкогольная продукция в системе ЕГАИС составляет 31,9% от общего числа находящейся в обороте спиртосодержащей продукции ³. При этом отследить реальное количество алкогольной продукции, находящейся в незаконном обороте, на наш взгляд, не представляется возможным.

Теневые продажи нелегального алкоголя осуществляются не только через лицензированные торговые предприятия, где фактически не фиксируются, но и через иные торговые организации и граждан, которые к продажам алкогольной продукции де-юре не имеют никакого отношения.

Полиция занимает одну из лидирующих позиций по противодействию незаконному обороту алкогольной и спиртосодержащей продукции, но при этом реальные статистические данные о результатах работы получить достаточно проблематично. Компетенция полиции по составлению протоколов об административных правонарушениях в сфере противодействия незаконному обороту алкогольной и спиртосодержащей продукции закреплена ст. 28.3 КоАП РФ. Одно из наиболее распространенных административных правонарушений в рассматриваемой сфере предусмотрено ст. 14.2 КоАП РФ (Незаконная продажа товаров (иных вещей), свободная реализация которых запрещена или ограничена). Виды продукции, свободная реализация которых запрещена, утверждены Указом Президента РФ от 22 февраля 1992 г. № 179, где определены ограничения продажи отдельных видов товаров, к числу которых относятся и этиловый спирт. Однако предмет административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.2 КоАП РФ, включает не только этиловый спирт, но и, например, средства взрывания, пороха (пиротехническая

² Бекетова О. Н. О государственном контроле производства и оборота алкогольной продукции // Всероссийский экономический журнал «ЭКО». 2016. № 4. С. 92.

³ Стратегическое исследование рынка, анализ данных. URL: http://go.euromonitor.com/rs/805-KOK-719/images/wpIllicitAlcoholMarket.pdf?mkt_tok=eyJpIjoiTVRRM1lqQXhNamszTlRfNSIsInQiOiJyOFpnRzJjN2xLTUVxUXZaOGhubW8yZ0xcLzFmc2lvYkVINzIMWjZiRUUpjcmntacktlXC9NSllEbHhsN0lOOGRFdE1qOUVhSzQraXVPC9RMm93cEFNZGQ5XC9LMW5KzZlC2p2bXJMMEFjR2VMdWd6N1ZHTepwdjBiVi1MzcitmQ29nUUeifQ%3D%3D (дата обращения: 19.04.2020).

продукция), лекарственные средства. В связи с тем, что предмет административного правонарушения рассматриваемой статьи разнообразен, статистические данные по продаже товаров, свободная реализация которых запрещена или ограничена, не дифференцированы. Таким образом, получить объективные данные о правонарушениях в сфере продажи продукции, содержащей этиловый спирт, на наш взгляд, не представляется возможным.

Д. Е. Баталов

(Омская академия МВД России)

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Обеспечение безопасности общества и государства является одним из приоритетных направлений деятельности Российской Федерации. Безопасность многоаспектна и может быть как национальной, так и международной.

На данный момент легальное определение международной безопасности не отражено ни в одном международном правовом акте, однако сущность данного явления раскрывает ст. 1 Устава Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.). Через цели создания данной организации, которая призвана быть центром в разрешении международных противоречий, раскрыт смысл международной безопасности, ради которой государства должны принимать «эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира»¹.

Подтверждением взаимосвязи национальной и международной безопасности является отражение данного положения не только в правовых актах международного характера, но и в национальном законодательстве. Часть 1 ст. 7 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (далее — ФЗ «О безопасности») определяет: «Международное сотрудничество Российской Федерации в области обеспечения безопас-

¹ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14–47.

ности осуществляется на основе общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»², что является следствием положений ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации. Данное сотрудничество осуществляется в целях защиты суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, а также участия в деятельности международных организаций, занимающихся проблемами обеспечения безопасности, указывается в ч. 2 ст. 7 ФЗ «О безопасности»³.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 (далее — Стратегия национальной безопасности РФ) развиваются положения ФЗ «О безопасности». Являясь «базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации», Стратегия закрепляет в пп. 28 и 29, что «Российская Федерация выстраивает международные отношения на принципах международного права, обеспечения надежной и равной безопасности государств, взаимного уважения народов, сохранения многообразия их культур, традиций и интересов», а также «в области международной безопасности Россия сохраняет приверженность использованию прежде всего политических и правовых инструментов, механизмов дипломатии и миротворчества».

Президент Российской Федерации В. В. Путин в ходе церемонии принятия верительных грамот у 18 иностранных послов 3 июля 2019 г. подчеркнул: «Россия открыта для взаимовыгодного сотрудничества со всеми без исключения государствами на принципах равноправия и учета интересов друг друга, невмешательства во внутренние дела и неукоснительного соблюдения норм международного права». Следовательно, Российская Федерация готова к развитию партнерских отношений с другими странами, но не в ущерб своим национальным интересам.

Являясь правопродолжателем СССР, Россия не только взяла на себя обязательства по международным договорам (так называемый институт континуитета), но и получила право быть участником международных организаций, которые были созданы в первую очередь в целях обеспечения международного мира и безопасности⁴.

² Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Там же.

⁴ Постановление Верховного Совета РФ от 12 декабря 1991 г. № 2014-1 «О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.03.2020).

Соблюдение мирового баланса всецело соответствует базовым интересам и стратегическим приоритетам Российской Федерации. Череда потрясений, которые произошли в государстве за последние тридцать лет, заставляют искать мирные пути разрешения тех или иных конфликтов. Необходимо время для восстановления потенциала общества, который был утерян в 90-х годах XX столетия, для построения истинного демократического строя, где человек, общество и государство гармонично будут влиять друг на друга, обеспечивая свои интересы.

А. В. Веренич

(Омская академия МВД России)

ОБОСНОВАННОСТЬ ПРИВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ, ЗАФИКСИРОВАННЫЕ ТЕХНИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ, РАБОТАЮЩИМИ В АВТОМАТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ

Одним из приоритетных направлений деятельности государства на сегодняшний день является защита прав и законных интересов несовершеннолетних. Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240¹ период с 2018 г. по 2027 г. объявлен в России Десятилетием детства, основной целью которого является соблюдение прав несовершеннолетних.

Важная роль в государственной политике отводится защите несовершеннолетних в сфере безопасности дорожного движения. Данное направление закреплено в Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 гг. (далее — Стратегия)², для реализации которой постоянно увеличивается количество мест установки комплексов автоматической фото- и видеофиксации нарушений правил дорожного движения.

¹ Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства : указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы : распоряжение Правительства РФ от 8 января 2018 г. № 1-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В соответствии со ст. 2.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ)³ предусмотрено привлечение к административной ответственности за административные правонарушения в области дорожного движения собственников (владельцев) транспортных средств в случае фиксации административного правонарушения работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки или видеозаписи (далее — техническими средствами). В таких случаях на основании ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ протокол об административном правонарушении не составляется, постановление по делу об административном правонарушении выносится без участия лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении. При этом в соответствии со ст. 29.10 КоАП РФ в постановлении указываются сведения о лице, на которое зарегистрировано транспортное средство, без установления лица, фактически управляющего транспортным средством в момент фиксации правонарушения.

Учитывая, что Конституцией Российской Федерации закреплено право каждого иметь имущество в собственности, владеть им, пользоваться и распоряжаться (ст. 35), данное право распространяется и на несовершеннолетних.

Часто, чтобы избежать административной ответственности за нарушение в области дорожного движения, взрослые лица умышленно оформляют автотранспортные средства на несовершеннолетних. При этом в случае фиксации нарушений правил дорожного движения автотранспортными средствами, собственниками (владельцами) которых являлись лица, не достигшие 16-летнего возраста, производство по делу об административном правонарушении прекращается на основании ч. 2 ст. 24.5 КоАП РФ. Производство по делу об административном правонарушении в отношении несовершеннолетних, достигших 16-летнего возраста, проводится на общих основаниях.

Так, в Омской области Центром автоматической фиксации административных правонарушений (далее — ЦАФАП) в 2018 г. вынесено 817384 постановления за нарушения правил дорожного движения, зафиксированные техническими средствами, из них 1697 постановлений вынесено в отношении несовершеннолетних. В 2019 г. вынесено 940074 постановления, в том числе 2338 — в отношении несовершеннолетних.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Поскольку в соответствии со ст. 26 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»⁴ право на управление транспортными средствами категорий „А“, „В“, „С“ предоставляется лицам, достигшим 18-летнего возраста, вызывает сомнение обоснованность вынесения ЦАФАП постановлений в отношении несовершеннолетних. Кроме того, факты привлечения несовершеннолетних к административной ответственности за правонарушения, зафиксированные техническими средствами, не только исключают возможность привлечения к ответственности лиц, фактически управлявших транспортными средствами в момент фиксации правонарушения, но и нарушают права несовершеннолетних.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что в случае фиксации техническими средствами правонарушения в области дорожного движения, где собственником (владельцем) автотранспортного средства является несовершеннолетний, необходимо в соответствии с ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ возбуждать дело об административном правонарушении, в рамках которого проводить проверку для установления лица, фактически управлявшего транспортным средством в момент фиксации правонарушения. В соответствии с ч. 1 ст. 1.5 КоАП РФ лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина.

Кроме того, если в ходе такой проверки факт управления несовершеннолетним автотранспортным средством подтвердится, необходимо дополнительно проводить проверку по факту наличия в его действиях состава административного правонарушения по ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ «Управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством».

⁴ О безопасности дорожного движения : федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

С. О. Волк-Леонович

(Омская академия МВД России)

ВЗГЛЯДЫ Ф. И. ЛЕОНТОВИЧА НА ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Федор Иванович Леонтович — выдающийся историк, юрист (1833–1911), выпускник Киевского университета св. Владимира (1860). Его внимание привлекало изучение раннего периода истории русского права, истории государственных учреждений, что продиктовано осознанием необходимости политической трансформации российского общества второй половины XIX в. Ответы на вопросы о том, что есть государство, какова его сущность, признаки, каково соотношение общества и власти, позволяли сформировать свою позицию в отношении политического будущего Российской империи, а решение имеющихся проблем виделось возможным через обращение к изучению эволюции более примитивных форм социальной организации и их трансформации в государство.

Ф.И. Леонтович обращается к изучению юридических памятников архаического периода, в частности, Русской Правды и Полицкого статута свода обычаев славянского государства Полицкой республики. Сравнительное изучение вышеуказанных памятников обнаруживает сходство многих правовых и социальных институтов, в частности, института верви. Это позволяет Ф.И. Леонтовичу сделать вывод о наличии в раннем периоде истории славянских протогосударственных образований особой формы родственной и хозяйственной организации, являющейся первоначальным социально-политическим институтом. Результаты исследований нашли отражение в статьях «О значении верви по Русской Правде и Полицкому Статуту»¹, «Задружно-общинный характер политического быта Древней Руси»² и работе «К вопросу о происхождении семьи вообще и ее организации по древнерусскому праву»³. Изучение отношений, зафиксированных в вышеуказанных памятниках, позволяет Ф.И. Леонтовичу сформулировать проявление признаков политического быта, которые он называет неразложимыми элементами. Среди них ученый выделяет элемент личный, физиологический (народ), элемент местный, территориаль-

¹ Журнал Министерства народного просвещения. 1867. № 4 (апрель). Отд. 2. С. 1–19.

² Там же. 1874. № 6 (июнь). Отд. 2. С. 201–224 ; № 7 (июль). Отд. 2. С. 120–151 ; № 8 (август). Отд. 2. С. 194–233.

³ Журнал Министерства юстиции. 1900. № 6. С. 1–45.

ный (пространство, место оседлости народа) и элемент связующий, правящий — элемент общего порядка (верховная власть).

На родовом этапе появляется понятие должного, личность вынуждена соотносить свои личные интересы с интересами коллектива, так рождается идея правды, что объединяет индивидов в общность (народ).

Следующий этап связан с общиной, чья политическая роль заключается в формировании второго «неразложимого элемента политической жизни». К нему Ф.И. Леонтович относит оседлость на определенной территории, заключающую в себе формирование отношения населения к пространству — признак, без которого немисливо образование государства.

Основной организационной структурой общинного уклада является семейная община, выступающая юридическим лицом — задругой. Потребности в обеспечении безопасности побуждают задруги формировать союзные образования. Возникают федеративные структуры. Именно задружная организация является причиной обособленности волости и определяет характер отношений между князем и общиной. Институт княжеской власти ничем не отличается от института власти задружного старосты, определяется не нормами права, а личностными качествами и потребностями общины. В качестве доказательства вышеуказанного тезиса приводится институт князя-изгоя, что немисливо для государственного уклада. Это позволяет Ф.И. Леонтовичу сделать вывод о сравнительно позднем возникновении государства. Подобно Б.Н. Чичерину, К.Д. Кавелину и С.М. Соловьеву, Ф.И. Леонтович отодвигает возникновение Русского государства к XV в., когда власть отчуждается и приобретает характер публичности. Начало такого отчуждения исследователь видит в колонизационной экспансии, проводимой князем. Вместе с дружиной и общиной князь осваивает новые территории. Когда иссякает потенциал территориальной экспансии и волость определяется в своих границах, начинается оседание князей по волостям, формируется новое политическое образование (где институт княжеской власти в большей степени обособляется от общины посредством установления частной собственности на землю). Так власть князя приобретает черты политической власти, на этом этапе формируется следующий «неразложимый элемент» политического устройства общества — власть.

Ф.И. Леонтович отмечает, что волости еще длительное время сохраняют архаические институты управления, где порядок оформляется посредством формальных договоров и соглашений князей с народом. В других волостях институт княжеской власти усиливается, и форма управления приобретает монархический характер. Ф.И. Леонтович

объясняет это субъективным моментом. Значительная роль также отводится идеологии, проповедующей верховенство и безусловное подчинение княжеской власти, что формирует в массовом сознании представление о князе как о господине и государе, власть которого суверенна. В конечном итоге это повсеместно разрушает прежнюю солидарность и единение князя с общиной. По сути, это и есть поворотная точка в развитии политического уклада. Среди волостей приобретают значение те, которые имеют территориальное преимущество, больше материальных ресурсов, позволяющих доминировать над другими, развивается новый порядок — государственный. Здесь на смену общине приходит новая социальная структура (народ) и новая высшая форма организации общества — политическая, или государственная.

Таким образом, Ф. И. Леонтович путем сравнительного изучения бытовых форм общественного строя славянских народов определяет стройную схему, где каждой исторической форме организации общества отводится роль в формировании будущего государственного устройства.

В. Б. Квасов

*(Тюменский институт повышения квалификации сотрудников
МВД России)*

О НЕОБХОДИМОСТИ СОБЛЮДЕНИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ОТНОШЕНИИ КОНВОИРУЕМЫХ ЛИЦ ПРИ ИХ ПЕРЕВОЗКЕ СПЕЦИАЛЬНЫМ АВТОМОБИЛЬНЫМ ТРАНСПОРТОМ

Согласно данным Европейского Суда по правам человека по итогам работы за последние годы Российская Федерация занимает лидирующие позиции по числу жалоб и выявленных нарушений. Из тысячи решений суда около 250 выносятся по делам против Российской Федерации. Из них не более чем в 10 делах не усматривается нарушений Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. Вместе с тем в отношении Турецкой Республики рассматривается около ста дел, а в отношении европейских стран — несколько десятков. В настоящее время в производстве Европейского Суда находится более 11 000 дел против Российской Федерации, что превышает количество дел против других стран, в частности, против всех восточно-европейских стран, в том числе Украины, Турецкой Республики, — около 7000–8000 дел.

Ежегодно направляются по подведомственности поступающие многочисленные обращения в адрес Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместителя министра юстиции Российской Федерации по вопросам рассмотрения в Европейском Суде жалоб граждан на неправомерные действия должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации и несоблюдение условий конвоирования (транспортировки) лиц, содержащихся под стражей, с которым Министерство внутренних дел Российской Федерации в полной мере осуществляет взаимодействие, всесторонне и объективно принимая решения по поступающим жалобам¹.

Тем не менее по фактам нарушения прав подозреваемых, обвиняемых в результате конвоирования (транспортировки) в Европейский Суд ежегодно поступает более двухсот жалоб. Территориально жалобы поступают более чем из тридцати субъектов Российской Федерации. Сумма компенсаций по решениям суда составляет ежегодно несколько миллионов евро.

Согласно п. 32.2 Европейских пенитенциарных правил запрещается перевоз заключенных в недостаточно проветриваемых и освещенных транспортных средствах или в условиях, создающих для них ненужные неудобства или оскорбляющих их достоинство.

Одним из основных замечаний к российскому законодательству является разрешение эксплуатации одиночных камер автомобилей для перевозки подозреваемых и обвиняемых (автозаков) площадью от 0,33 кв. м, в действительности составляющей всего 0,4 кв. м, а также многоместных камер, в которых на заключенного может выделяться не более 0,29 кв. м личного пространства. При этом согласно правилам стандартизации ПР 78.01.0024-2016 в российском законодательстве установлен максимальный размер личного пространства на заключенного, размещаемого в автозаке, — не более 0,68 кв. м в одиночной камере и не более 0,46 кв. м в многоместной с двумя скамьями.

Внести конструктивные изменения представляется возможным, при этом стоимость переоборудования одного автозака составляет от одного миллиона рублей.

Соблюдение норм международного права в отношении конвоируемых (транспортируемых) автомобильным транспортом кроме технического переоснащения требует нормативного усовершенствования. С момента вступления Российской Федерации в 1996 г. в Совет Европы,

¹ Об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместителе министра юстиции Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 29 марта 1998 г. № 310. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12139> (дата обращения: 02.09.2020).

а также ратификации ряда международных конвенций по защите прав осуждённых Россия стремится приблизиться к международным стандартам. Правила гуманного обращения с осужденными, лицами, содержащимися под стражей, обеспечение их всем необходимым для жизнедеятельности распространяются и на конвоируемых лиц в пути следования².

Е. В. Красилова

(Барнаульский юридический институт МВД России)

ПРАВООЗАЩИТНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА

В свете признания защиты прав человека высшей ценностью следует констатировать тот факт, что на сегодняшний день усилилась роль правозащитной функции государства. В связи с этим актуальным является изучение данной сферы.

В рамках исследования правозащитной функции уместно рассмотреть одну из основных категорий — «правовая защита». В современный период понятие «правовая защита» в науке теории государства и права мало изучено. Лишь немногие авторы занимались анализом указанного понятия, но и их определения недостаточно полны и не включают всего спектра отличительных признаков.

Так, В. Н. Витрук считает, что правовая защита — это принудительный в отношении обязанного лица способ воздействия, применяемый прежде всего потерпевшим и иными компетентными органами в установленном законом порядке в целях восстановления нарушенного права и правопорядка и применения наказания за совершенное правонарушение¹. В данном определении присутствуют некоторые основные характеристики, которые свойственны правозащитной функции государства и признаются ее базовыми признаками. Таковым является, например, принудительный способ воздействия, благодаря которому можно восстановить нарушенные права. Еще один неотъемлемый признак, отмеченный автором, — признание такого способа правовой защиты, как самоза-

² Пантелеев В. А. Правовые и организационные проблемы конвоирования осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в специальных автомобилях // Гуманитарные научные исследования. 2019. № 3. URL: <http://human.snauka.ru/2019/03/25681> (дата обращения: 02.09.2020).

¹ Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 365.

щита. Однако в анализируемом определении не учтен вид деятельности компетентных органов. Рассуждая о правозащитном движении, необходимо отмечать факт активной деятельности субъектов в указанном направлении. Также стоит учитывать нормативные правовые акты, нормы международного права, на основании которых существуют общественные отношения в рассматриваемой сфере.

Авторы, занимающиеся исследованием правовой защиты, подходили к данному понятию со всевозможных позиций, оперируя различными терминами, среди которых приоритетным является «защита права»². Однако нам такой подход представляется неверным, так как понятие «правовая защита» охватывает не только те случаи, когда права уже нарушены (как, например, «защита права»), она начинает свое действие с момента принятия нормативного правового акта, где определены права и обязанности личности. В связи с этим рассматриваемое понятие намного шире по объему и содержанию.

Понятие «правовая защита» многоаспектное. Оно объединяет в себе категории «право на защиту» и «защита права». Соответственно правозащитная функция государства регулирует широкий круг вопросов, связанных с правовой защитой человека в целом.

Существуют другие точки зрения, согласно которым правовая защита состоит из объединения понятий «защита» и «охрана»³. А. В. Стремоухов отмечал, что правовая защита не является простым сложением охраны прав и защиты прав, а выходит за рамки и того, и другого явления и приобретает свои уникальные свойства⁴. Однако стоит отметить, что вопрос о разграничении данных понятий на сегодняшний день остается дискуссионным. В рамках других исследований мы анализировали указанную проблему⁵ и считаем, что защита и охрана являются разными категориями. В связи с этим представляется неправильным в содержание правовой защиты включать какую-либо деятельность по охране прав. Защита является самостоятельным видом деятельности.

Проведя анализ понятия правовой защиты как основной категории в рамках изучения правозащитной функции государства, можно сформу-

² Минникес И. А. Правовая защита: понятие и механизм // Baikal Research Journal. 2013. № 6. С. 15.

³ Земскова А. И. К вопросу о сущности правозащитной функции государства // Общество и право. 2009. № 3(25). С. 22.

⁴ Стремоухов А. В. Правовая защита человека: теоретический аспект : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1996. С. 29–30.

⁵ Красилова Е. В. Корреляция понятий «защита» и «охрана» в системе обеспечения прав и свобод личности // Алтайский юридический вестник. 2020. № 1(29). С. 22–26.

лизовать следующее ее определение: под правовой защитой понимается активная деятельность государственных и негосударственных органов, институтов гражданского общества, самого лица, направленная на всестороннюю защиту прав человека и гражданина, осуществляющаяся на основе нормативных правовых актов государства, норм международного права, выражающаяся в превентивной форме, главной целью которой является восстановление нарушенных (оспоренных) прав, применение методов принуждения к правонарушителям.

Е. Н. Кротова

(Нижегородская академия МВД России)

ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕПРАВОМЕРНЫХ ДЕЯНИЙ В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ

Относительно неправомерных деяний в философии еще с древнейших времен у ученых были различные точки зрения, дискуссии по поводу неправомерности обозначались рядом философских категорий, таких как «несправедливость», «коллизия», «отклоняющиеся и противоречивые типы поведения», «чуждые смыслу явления», «правонарушения» и др.

Размышления о неправомерности содержались в трудах древнегреческого философа Платона. «Одно и то же действие бывает подчас справедливым, а подчас и несправедливым», — писал ученый, говоря о противоречивости проявления некоторых действий в жизни¹. Аристотель поддержал позицию своего учителя Платона о справедливости, он писал: «Речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, равно как и то, что справедливо и что несправедливо. Это свойство людей отличает их от остальных других живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т. п.»². По мнению философа, способность человека к отграничению злых поступков от добрых выделяет его среди других живых существ, дает основания действовать в соответствии со своими мотивами, целями и установками, выбирать, как действовать — правомерно или неправомерно.

¹ Платон Афинский. Государство: публицистика / пер. А. Н. Егунов. М., 2002. С. 75.

² Аристотель. Политика / пер. С. А. Жебелев. М., 2012. С. 119.

Английский философ, представитель эмпиризма и либерализма XVII в. Джон Локк отграничивал простое правонарушение от нанесения ущерба лицу без преступного умысла, причем в последнем случае нарушитель должен возместить причиненный вред, что также соотносится с положениями о неправомерных деяниях: «Помимо преступления, заключающегося в нарушении закона и в отходе от справедливого правления разума, когда человек настолько вырождается, что заявляет об отказе от принципов человеческой природы и становится вредным существом, встречается также обычное нанесение ущерба тому или другому лицу, и какому-либо человеку наносится вред в силу этого нарушения»³.

Представляет интерес точка зрения представителя классической немецкой философии Гегеля на проблему определения неправомерности. В своем фундаментальном труде «Философия права» Гегель разделял «право в себе» и «право для себя», оба из которых служат основанием для возникновения коллизий при применении права: «Здесь, следовательно, возможна коллизия между тем, что есть, и тем, что должно быть, между в себе и для себя сущим правом, остающимся неизменным, и произвольным определением того, что есть право»⁴. По мнению философа, подобные коллизии способствуют как раз совершению неправомерных деяний, когда лицо действует вопреки интересам других лиц, используя «право для себя».

Представитель философии XIX в. Макс Вебер в своих работах писал о «поведении, чуждом осмыслению», которое имеет скрытые мотивы и порой идет вразрез с традиционно принятыми нормами поведения: «В основе поведения могут лежать самые различные смысловые связи, и мы „понимаем“ значительно отклоняющиеся друг от друга, подчас противоречивые типы поведения в ситуациях, которые мы считаем „однородными“. Действующие в определенных ситуациях люди часто испытывают противоречивые, борющиеся друг с другом импульсы, которые мы, несмотря на их различия, „понимаем“⁵.

Таким образом, можно привести большое количество примеров рассуждений философов различных эпох о неправомерных деяниях, как с точки зрения добра и зла, справедливости и несправедливости, так и в аспекте поведения, которое выходит за рамки общепринятого, представляется нетипичным и чуждым. Данные мировоззренческие позиции

³ Локк Д. Второй трактат о правлении / пер. Ю. В. Семенов. М., 2010. С. 93.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем. Б. Г. Столпнер, М. И. Левина. М., 2002. С. 623.

⁵ Вебер М. Основные социологические понятия. М., 2014. 52 с.

выступили предпосылками исследования неправомерных деяний, послужили крепкой основой для дальнейшего изучения данного явления со стороны психологии, социологии и права.

М. Б. Молотков

(Омская академия МВД России)

ПРАВО И ЗАКОН В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ВЗГЛЯДАХ М. М. СПЕРАНСКОГО

Михаил Михайлович Сперанский вошел в историю России прежде всего как государственный деятель, реформатор, под непосредственным началом которого проведена работа по составлению Полного собрания и Свода законов Российской империи. Именно эти аспекты, как правило, занимают центральное место в исследованиях, посвященных М. М. Сперанскому. В меньшей мере изучены идеи М. М. Сперанского по отдельным проблемам теории права. Это можно отнести и к вопросу о соотношении права и закона.

Основой взглядов М. М. Сперанского на правовую материю в целом, на право и закон в частности являются религиозные представления. Бог, правда — исходные категории, определяющие все последующие рассуждения, и в итоге — правовую концепцию ученого. Общее начало в Боге, правда — основа любых законов¹.

По мнению М. М. Сперанского, «законы устанавливают и охраняют порядок»². Он считает, что закон — это «правило, как поступать всегда в делах сего рода»³. Закон, считает правовед, должен устанавливать общие нормы, в рамках которых действует административная (исполнительная) власть, и следовательно, должен регулировать отношения постоянные и неизменяемые⁴.

М. М. Сперанский разделяет законы на естественные, основанные на всеобщей правде, и общежительные, основанные на правде, приспособленной к данному составу общежития, которые именуются закона-

¹ Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб., 1845. С. 22.

² Там же. С. 22.

³ Там же. С. 84.

⁴ Сперанский С. И. Учение М. М. Сперанского о праве и государстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 39.

ми общежительными положительными⁵. Предлагает М. М. Сперанский и другое разделение законов: на внутренние (законы совести) или внешние (законы верховной власти)⁶.

В иерархии законов естественных и законов общежительных несомненный приоритет принадлежит законам естественным. М. М. Сперанский подчеркивает взаимосвязь, делает вывод о необходимости соответствия законов общежительных законам естественным. Как утверждает М. М. Сперанский, «законы общежительные недействительны, когда они противны законам естественным; они по самому существу их не что иное должны быть как приложение законов естественных, приложение, укрепленное действием верховной власти, внешними наградами и punishments»⁷. В сущности, закон не может быть несправедливым. Несправедливый закон — это, скорее, исключение, нежели правило. Ученый проводит черту, отделяющую право от неправа. Он пишет, что «всякое право... основано на правде. Там, где кончится правда и где начинается неправда, кончится право и начинается самовластие»⁸.

В этих положениях М. М. Сперанского можно увидеть получившую популярность в XX в. — начале XXI в. идею правового и неправового закона, отказа в признании правовым закона, не соответствующего принципам естественного права.

Изучение взглядов М. М. Сперанского позволило сделать вывод, что на развитие идей естественного права в России значительное влияние оказывали социально-политические факторы. В этом контексте становится понятным, что отстаиваемая М. М. Сперанским идея естественного права, приоритета естественных законов фактически выступает в качестве аргумента, направленного на укрепление самодержавия и его институтов. Утверждение, что любой закон общежительный есть приложение закона естественного, источником которого являются Бог, правда, означает полный иммунитет закона, его непогрешимость, а значит и непогрешимость власти, его устанавливающей и охраняющей.

Таким образом, в концепции М. М. Сперанского получили отражение естественно-правовые и позитивистские идеи.

⁵ Сперанский М. М. Указ. соч. С. 24.

⁶ Там же. С. 25.

⁷ Там же. С. 39.

⁸ Там же. С. 57.

А. В. Никулина

(Барнаульский юридический институт МВД России)

ВЕДОМСТВЕННОЕ НОРМОТВОРЧЕСТВО: СУЩНОСТЬ И НАЗНАЧЕНИЕ

В условиях становления правовой государственности одним из главных аспектов выступает механизм правового регулирования, составной частью которого является нормотворчество. Без него не будет норм права, направленных на урегулирование различных общественных отношений. В этом ключе нормотворчество можно рассматривать как первичный элемент механизма правового регулирования, способствующий воплощению правовых замыслов в реальность посредством принятия нормативных правовых актов.

Иногда нормотворчество может сыграть негативную роль в работе механизма правового регулирования. Например, в условиях тоталитарных политических режимов мы сталкиваемся с чрезмерной государственной регламентацией всех сфер общественных отношений, в том числе тех, которые в этом не нуждаются. Однако нормотворчество может выступать как эффективный регулятор общественных отношений. Это отчетливо прослеживается в современных реалиях в условиях построения правового государства, при этом права человека становятся своеобразным ориентиром, теми «границами», за пределы которых законодатель в процессе нормотворческой деятельности выйти не может.

При этом даже в рамках правового государства законодатель не в состоянии предусмотреть и регламентировать всю совокупность нуждающихся в урегулировании общественных отношений, учесть каждый элемент широчайшего круга социальных потребностей конкретного общества¹. Сложившаяся ситуация может служить объективной предпосылкой возникновения ведомственного нормотворчества.

Помимо изложенного, стоит принять во внимание и субъективные предпосылки. Так, по мнению Г.Ф. Шершеневича, законодатель обладает большими возможностями и может многое сделать для страны, любя свой народ, но «каждый законодатель, кто бы он ни был, самодержавный монарх или народное представительство, сам является произведением своего времени»².

¹ Глебова Н. А. Ведомственное нормотворчество // Вестник ВУиТ. 2009. № 71. С. 98.

² Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве : лекции. М., 1908. С. 43.

Говоря о сущности и назначении ведомственного нормотворчества, необходимо обратиться к значению понятия «нормотворчество», которое состоит из двух ключевых слов «норма» и «творчество». Первая составляющая определяет назначение нормотворческой деятельности, которая ставит своей целью создание правовых норм, т.е. формально определенных правил поведения общего характера либо узковедомственной направленности.

Понятие «творчество», согласно трактовке, данной в Современном энциклопедическом словаре, представляет собой деятельность, порождающую нечто качественно новое и отличающуюся неповторимостью, общественно-исторической уникальностью, она всегда предполагает «творца» — субъекта творческой деятельности³. Таким образом, ведомственное нормотворчество предполагает обязательное наличие субъекта нормотворческой деятельности, а также результата этой деятельности, который носит общественно значимый характер.

Компетенцией ведомственного нормотворчества наделены федеральные органы исполнительной власти — федеральные министерства, федеральные службы, а на внутриведомственном уровне и федеральные агентства.

Сегодня в юридической литературе не прослеживается единого мнения относительно проблемы ведомственного нормотворчества. Некоторые ученые, придерживаясь идеи верховенства закона, считают это правовое явление несостоятельным элементом механизма правового регулирования и предлагают полную ликвидацию всей подсистемы ведомственных нормативных правовых актов⁴. Однако большинство теоретиков права полагают, что без нормотворческого процесса невозможно обеспечение единого правового пространства в нашей стране, поскольку в законах, которые должны регулировать наиболее важные сферы общественных отношений, невозможно конкретизировать детали, регламентирующие поведение субъектов — участников правоотношений.

Таким образом, ведомственное нормотворчество — это деятельность государственных органов исполнительной власти и должностных лиц по созданию, отмене и изменению ведомственных норм, выраженных в тех или иных нормативных правовых актах, которые ориентированы на конкретизацию и урегулирование определенной сферы общественных отношений общего характера либо узковедомственной направленности. На наш взгляд, издание ведомственных приказов, инструкций и иных

³ *Большаков А. В.* Проблема определения творчества // Аналитика культурологии. 2007. № 2. С. 18.

⁴ *Арзамасов Ю. Г.* Ведомственное нормотворчество: современное состояние, проблемы модернизации // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 29.

нормативных правовых актов в разумных пределах вполне допустимо и иногда даже необходимо.

Д. Р. Хасанов

(Омская академия МВД России)

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 ГОДА КАК ФАКТОР, ПОВЛИЯВШИЙ НА ГУМАНИЗАЦИЮ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Началом крестьянской реформы, ставшей первой ступенью гуманистического преобразования правовой политики государства во второй половине XIX в., является издание Александром II 19 февраля 1861 г. Манифеста «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей». Император указывает на то, что принятое решение является продолжением политики «изменения на лучшее положение крестьян»¹ и направлено на устранение несоответствия состояния наиболее незащищенной части податного населения достигнутым обществом гуманистических представлений, общечеловеческих, культурных и нравственных ценностей.

Данный манифест сопровождался серией законодательных актов из 22 документов, касающихся вопросов освобождения крестьян, условий выкупа ими помещичьей земли и размеров выкупаемых наделов по отдельным районам России. Основным нормативным правовым актом в данной серии документов является «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»² (далее — Общее положение), предоставившее крепостным правовое положения свободных сельских обывателей. Этот шаг стал первым звеном цепи правовой политики государства, направленной на нивелирование различий в правовом положении подданных различных сословий, которая в конечном счете приведет к разрушению сословного строя и созданию относительного равенства между отдельными членами общества в правовом пространстве.

¹ *О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей* : манифест от 19 февраля 1861 г., опубл. 5 марта 1861 г. // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 7: Документы крестьянской реформы / отв. ред. О. И. Чистяков. М., 1989.

² *Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости* / опубл. 19 февраля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. № 36657. Собрание Второе. Т. 36, ч. 1. С. 141–169.

Статус свободных сельских обывателей предоставил крепостному населению новую степень свободы в реализации собственных интересов в различных отраслях общественной жизни. Так, крепостное население получило возможность самостоятельно реализовывать свои права в вопросах заключения брака (ст. 21 гл. I Общего положения); самостоятельно и коллективно вступать в гражданско-правовые отношения: заключать договоры, обязательства и подряды (ст. 22 гл. I Общего положения), производить свободную торговлю, открывать и содержать, фабрики, промышленные, торговые и ремесленные заведения, записываться в цехи, вступать в гильдии, торговые разряды и соответствующие подряды (ст. 23 гл. I Общего положения); участвовать в выборах в мирском самоуправлении, переходить в другое сословное состояние и поступать по желанию на военную службу, получать общее образование (ст. 23 гл. I Общего положения).

Новый правовой статус личности потребовал предоставления гарантий защиты вновь обретенных прав и свобод, в связи с чем крестьянам было предоставлено право защиты своих интересов лично и коллективно в суде или, по обоюдному согласию сторон, помещиком, владельцем земли (ст. 26 гл. I Общего положения), а также провозглашен запрет на наказание, лишение или ограничение в правах состояния иначе, как по суду или иному, установленному законом порядку (ст. 25 ст. 30, гл. I Общего положения).

Кроме того, особое место в Общем положении было отведено вопросу предоставления крепостному населению свободы коллективного и личного владения, пользования и распоряжения недвижимым имуществом (ст. 31–39 гл. II Общего положения). Особое значение данного вопроса очевидно, поскольку возможность приобретать и иметь в собственности основное средство производства — землю — является необходимым условием не столько для реализации вновь приобретенных прав, сколько для физического существования освобожденной от крепостной зависимости части общества. Это же решение стало и наиболее тяжело реализуемым в крестьянской реформе, поскольку его осуществление требовало отчуждения части имущественных прав и привилегий помещиков. Для решения данной проблемы государство сформировало механизм компенсации имущественных издержек помещиков-землевладельцев посредством выкупных платежей, приняв на себя обязательства гарантировать их выплату, выступив посредником в данных отношениях.

Изменение правового статуса личности самого многочисленного сословия Российской империи повлекло за собой гуманистические преобразования во множестве сфер жизни общества. В рамках данного на-

правления правовой политики государством впоследствии был проведен комплекс реформ как по преобразованию отдельных сфер правовой действительности в соответствии с достигнутым крестьянской реформой отношением к человеку, к его правовому положению, так и по гармонизации тех правоотношений, которые были опосредованно затронуты гуманистическими преобразованиями.

А. А. Юрицин

(Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского)

СУБСТАНЦИОНАЛЬНЫЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Значение морфологии сложно преувеличить, так как всякое, и теоретическое, и эмпирическое исследование начинается с изучения единственно доступной ученому формы явления, успешное освоение которой открывает доступ к его структуре, содержанию и, наконец, к сущности явления. Нарушение заданной последовательности приводит к неизбежным ошибкам и заблуждениям. Ранее мы подробно рассмотрели проблематику государственной власти, связанную с отсутствием однозначных общетеоретических оснований¹ и субъективизмом исследований², с неопределенностью правовой парадигмы познания правовых форм государственной власти, необходимость установления которой явствует из потребности унификации представлений о власти в рамках юридических наук³.

С точки зрения интегративного понимания правовых явлений, правовая форма складывается не только из позитивного регулирования общественных отношений, она также отражает множество способов формальной фиксации норм права, установленных по итогам властеотношений, т. е. при признании обычаев, принятии юрисдикционных прецедентов, нормативных решений судов.

¹ Юрицин А. А. Гносеологические проблемы категории «власть» и их значение для юридической науки // Омские научные чтения : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 11–16 декабря 2017 г.). Омск, 2017. С. 1013–1015.

² Юрицин А. А. Когнитивные противоречия категории «власть» и их значение для юридической науки // Алтайский юридический вестник. 2018. № 4. С. 39–43.

³ Юрицин А. А. О системном понимании права и государственной власти // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 4. С. 507–511.

Учитывая правовой характер государственной власти, считаем возможным разграничить субстанциональные (онтологические, регулятивные) и инструментальные (операционные) правовые формы, соответственно как правовые формы осуществления и реализации государственной власти.

Всякая власть характеризуется инструментальным и методологическим характером. Особенно это касается государственной власти, массовый характер которой обязывает ее опираться не только на материальные ресурсы, но и на юридическое право как на предпосылку и условие организации массовой унифицированной, автономной и оперативной коммуникации с обществом. С данной точки зрения правовыми формами осуществления государственной власти являются: позитивное право; властеотношения, выступающие носителями нормативных моделей поведения (правоприменительных обычаев, нормативных решений судов, судебных прецедентов); а также кратологическое сознание, фиксирующее основополагающие принципы-регуляторы правового поведения.

В отличие от субстанциональных, инструментальные правовые формы реализации государственной власти характеризуют ее фактическое воплощение в правовом поведении подвластных лиц. С этой точки зрения государственная власть реализуется в форме конкретных властных отношений и абстрактных правовых властных связей. Роль последних заключается в обеспечении действия правовых запретов и дискреционных полномочий по инициированию властных отношений. Очевидно, что, несмотря на количественное превосходство властных связей, структура властных отношений куда более сложна и противоречива.

Отметим, что формирование правовых форм государственной власти происходит в тесном взаимодействии с внеправовыми общесоциальными формами, отражающими исторические и культурные представления о государственной власти. С данной точки зрения можно выделить такие внеправовые формы, как политическая (корпоративная), религиозная, идеологическая, морально-этическая (нравственная). Их влияние обнаруживает себя в особенностях содержания права и структуры органов власти религиозных, социалистических государств, представлений о легитимности государственной власти.

Тем самым субстанциональные и инструментальные правовые формы государственной власти находятся в синергетическом диалектическом взаимодействии не только между собой, но и с общекультурными контекстуальными факторами, определяющими аутентичность морфологии государственной власти.

РАЗДЕЛ II. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

А. Д. Абрамкин

(Краснодарский университет МВД России)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Под предметом преступления понимается «материальная вещь объективного существующего внешнего мира, в связи или по поводу которой совершается преступление»¹. Проанализировав рассматриваемые общественные отношения, мы пришли к выводу, что предмет ст. 200⁴ УК РФ законодателем прямо не обозначен.

В науке российского уголовного права понимание предмета преступления основывается на его классификации по объему и содержанию. В определении предмета преступления одни ученые ограничиваются только предметами материального мира, тогда как другие высказываются как о материальных, так и нематериальных объектах.

Так, С. В. Трофимовым в качестве такой категории, как предмет преступления, понимаются «те вещи материального мира, воздействуя на которые, субъект причиняет вред объекту преступления»². Более полную интерпретацию предмета преступления дает Н. И. Коржанский: «Конкретная материальная вещь, в которой проявляются определенные стороны, свойства общественных отношений, которой путем физическо-

¹ Уголовное право Российской Федерации: Общая часть. М., 1996. С. 122.

² Трофимов С. В. Ответственность за занятие запрещенным промыслом. Киев, 1968. С. 279.

го или психологического воздействия причиняется социально опасный вред в сфере общественных отношений»³.

Отдельные ученые считают, что предмет преступления не может быть ограничен лишь материальной природой. Они придерживаются более широкого понимания предмета преступления, отмечая, что в некоторых составах преступлений он может не иметь физической природы.

В. Н. Кудрявцев высказывает мнение о том, что «предметом преступления могут быть и люди — субъекты социалистических общественных отношений, их действия как материальное выражение этих отношений, а также материальные предметы (вещи), являющиеся предпосылками или формами закрепления социалистических общественных отношений»⁴.

В свою очередь Г. А. Кригер также говорит о более широком понимании предмета преступления. К нему он относил физических лиц и их действия, являющиеся выражением определенных общественных отношений, юридических лиц (учреждения, организации и т. п.), а также вещи или процессы, служащие условием (предпосылкой) существования или формой выражения или закрепления конкретных социалистических общественных отношений⁵.

Ученые современности часто включают в определение предмета преступления понятие информации. Ю. Е. Пудовочкин полагает, что «предметом преступления следует считать ту часть объекта посягательства, которая имеет материальное выражение, или информацию, воздействуя на которую субъект причиняет вред общественным отношениям, составляющим данный объект»⁶.

Анализ различных мнений влечет вопрос о материальности или нематериальности общественных отношений, которые существуют в рамках функционирования федеральной контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг.

В силу того, что диспозиция ст. 200⁴ УК РФ указывает на «нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» при определении предмета состава преступления, следует обратить внимание на понятийный аппарат, предусмотренный

³ Коржанский Н. И. Предмет преступления : учеб. пособие. Волгоград, 1976. С. 120.

⁴ Кудрявцев В. Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления // Сов. гос-во и право. 1951. № 8. С. 56.

⁵ Кригер Г. А. К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве // Вестник Московского университета. 1955. № 1. С. 123.

⁶ Пудовочкин Ю. Е. Учение о составе преступления : учеб. пособие. М., 2009. С. 61–62.

Федеральным законом № 44-ФЗ «О контрактной системе»⁷. Проанализировав понятие «контрактная система в сфере закупок», данное в ст. 3 данного Закона, можно сделать вывод, что она включает такие основные составляющие, как совокупность участников закупочной деятельности и совокупность действий, направленных на обеспечение государственных или муниципальных нужд.

Автор отчасти разделяет мнение о предмете преступления В. Н. Кудрявцева и Г. А. Кригера, а также Ю. Е. Пудовочкина. Основываясь на исследованных точках зрения, возможно выделить и определить предмет преступления, предусмотренного ст. 200⁴ УК РФ. Тем не менее необходимо учитывать, что в некоторых случаях при квалификации злоупотреблений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд предмет преступления может отсутствовать, так как он не является обязательным признаком анализируемого состава преступления.

В. Р. Булгакова

(Барнаульский юридический институт МВД России)

ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 327 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье 327 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) закреплено, что подделка официального документооборота осуществляется в целях его дальнейшего использования. И действительно, как верно, на наш взгляд, подметил П. Ю. Летников, она выступает не просто одним из элементов совокупности преступлений, а является промежуточным результатом на пути к совершению иных преступлений¹. Подделка документов является предшествующим звеном для дальнейшего неправомерного получения выплат, кредитов и др. Общественная опасность исследуемого преступления заключается в нарушении установленного государством

⁷ О контрактной системе : федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Летников П. Ю. Уголовная ответственность за подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2009. С. 34.

порядка документального удостоверения каких-либо фактов и событий, имеющих правовое значение.

В 2015 г. число лиц, привлеченных к уголовной ответственности за подделку документов, составляло 10456, в 2018 г. — 11057. Деяния, предусмотренные ст. 327 УК РФ, являются самым часто совершаемым преступлением среди тех, ответственность за которые предусмотрена главой 32.

Хотелось бы остановиться на некоторых демографических признаках субъекта исследуемого состава преступления (на основе анализа статистических данных за 2018 г.):

1) большинство преступлений совершено мужчинами (9111 чел. — 82%);

2) наиболее распространенный возраст составляет 30–49 лет (5511 чел. — около 50%);

3) чаще всего совершается лицами, являющимися гражданами РФ (6239 чел. — около 57%);

4) преступники имеют, в основном, среднее общее образование (5424 чел. — около 50%);

5) по роду занятий лица, совершающие данные преступления, трудоспособные граждане без постоянного источника дохода (6417 чел. — около 59%).

При этом местом совершения преступления чаще выступают административные центры субъектов РФ (5972 чел. — 55%), нежели сельская местность².

Таким образом, исходя из представленных данных, можно сделать вывод, что подделка документов совершается чаще всего лицами мужского пола, получившими среднее образование и не имеющими постоянного источника дохода.

Научно-технический прогресс не стоит на месте, поэтому использование средств компьютерной техники и интернет-технологий позволяет лицам, не имеющим порой высшего образования, совершить подделку официальных документов. Практически каждый, не имея какой-либо специальной подготовки, может даже в домашних условиях изготовить поддельный документ.

Так, согласно приговору Дзержинского районного суда Калужской области, гражданка А. умышленно подделала официальный документ и в дальнейшем его сбыла. Не имея допуска к проектированию, в домаш-

² Данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2018 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 17.02.2020).

них условиях с использованием струйного принтера А. незаконно, от имени организации «Название», подделала на титульном листе подпись генерального директора Б., заверив ее поддельным оттиском круглой печати (с использованием цветных чернил), изготовив проект для заказчика В., а именно: титульный лист, лист состава проекта, пояснительную записку и шесть листов с текстовыми записями, таблицами и чертежами и сбыла его ему. А. была привлечена к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 327 УК РФ³.

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 327 Уголовного кодекса РФ, является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Способы совершения исследуемых противоправных деяний с каждым годом становятся все изощренней, и не обязательно даже иметь высшее образование или лабораторию для фальсификации документов. В связи с этим установление уголовной ответственности за подделку, изготовление или оборот поддельных документов, бланков, штампов, печатей выступает одним из средств борьбы с данными противоправными деяниями.

И. А. Гошт

(Омская академия МВД России)

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 322³ УК РФ

Уголовная ответственность за нарушение правил миграционного учета была установлена в декабре 2013 г. Несмотря на шестилетний срок применения исследуемой нормы, до настоящего времени не решен ряд теоретических и практических проблем, связанных с квалификацией фиктивной постановки на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации. Одной из проблем, с которой сталкиваются правоохранительные органы при квалификации преступления, предусмотренного ст. 322³ УК РФ, является определение момента окончания фиктивной постановки на учет. Исследуемое нами преступное посягательство образует не одно конкретное действие, а определенную систему актов поведения. Более того, в рассма-

³ Архив Дзержинского районного суда Калужской области за 2012 г. Дело № 1-45/12. URL: <http://www.gcourts.ru/case/8708052> (дата обращения: 25.02.2020).

триваемом общественно опасном деянии «„действие“ не ограничивается движениями субъекта, оно включает те естественные процессы и силы, которые используются преступником при посягательстве на объект»¹.

В науке уголовного права встречаются различные подходы ученых к решению данного вопроса. Стоит отметить, что неопределенность относительно момента окончания преступления вытекает из неопределенности момента окончания процедуры постановки на учет. В соответствии с п. 140 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 30 июля 2019 г. № 514, представление уведомления о прибытии с приложением всех необходимых документов в подразделение по вопросам миграции является основанием для начала административной процедуры постановки на учет. Из анализа п. 145 мы можем сделать вывод, что заключительным действием в процедуре постановки на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации является фиксация сведений о лице в учетных документах подразделения по вопросам миграции и внесение необходимой информации в государственную информационную систему миграционного учета (ГИСМУ). Таким образом, фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации должна считаться окончанным преступлением, когда выполнены все действия, образующие объективную сторону преступления, в результате которых необходимая информация об этом лице и принимающей стороне внесена в государственную информационную систему миграционного учета.

Сложности при квалификации фиктивной постановки на учет вызывает определение круга лиц, подлежащих уголовной ответственности за совершение рассматриваемого общественно опасного деяния. Согласно различным позициям ученых субъектами фиктивной постановки на учет могут быть:

- 1) лицо, выступающее в качестве принимающей стороны. Понятие «принимающая сторона» раскрывается в п. 7 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». Чаще всего субъектом фиктивной постановки на учет в качестве принимающей стороны выступает собственник или наниматель помещения, по адресу которого производится постановка на учет;

¹ Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / под общ. ред. В. В. Векленко. М., 2018. С. 214.

2) фиктивно поставленный на учет иностранный гражданин или лицо без гражданства;

3) должностное лицо, использующее недостоверные или подложные данные (регистратор).

Представляется, что при совершении исследуемого преступления должностными лицами ответственность в первую очередь должна наступать за совершение должностных преступлений. В зависимости от конкретного случая их действия могут быть квалифицированы по ст. ст. 285, 285², 286, 290, 291², 292 УК РФ. Судебная практика применения ст. 322³ УК РФ складывается так, что по указанной статье к ответственности привлекаются только собственники или наниматели помещения, по адресу которого производится постановка на учет, выступающие в качестве принимающей стороны. Сами же поставленные на учет лица к ответственности по ст. 322³ УК РФ не привлекаются.

В большинстве случаев обе стороны еще до подачи документов на регистрацию обоюдно договариваются о том, что помещение предоставляться не будет и лицо не претендует на проживание в нем. Оба лица осознают фиктивность постановки на учет по месту пребывания и умышленно ее осуществляют. Исследуемое преступление совершается в двустороннем порядке, участвуют обе стороны. Характер действий, совершаемых при фиктивной постановке на учет, подобен действиям, совершаемым при даче и получении взятки. Первое лицо передает денежные средства за выполнение вторым определенных действий в интересах дающего взятку. Второе лицо получает денежные средства и направляет необходимые документы со своей подписью для осуществления постановки на учет. В случае взяточничества уголовная ответственность установлена и за получение, и за дачу взятки. Мы считаем, что за фиктивную постановку на учет уголовной ответственности должны подлежать оба лица.

Отмеченные нами проблемы квалификации влекут ошибки в правоприменительной деятельности правоохранительных органов и судов, вследствие чего принятые решения и вынесенные приговоры могут быть неправомерными. Таким образом, мы отмечаем несовершенство уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за фиктивную постановку на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации. Для решения проблем, возникающих при квалификации исследуемого преступления, требуются разъяснения суда и внесение изменений в ст. 322³ УК РФ.

О. А. Дизер

(Омская академия МВД России)

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В настоящий момент можно констатировать факт недостаточной изученности теорией уголовного права сути провокации преступления, а также действий лица, занимающего должность правоохранительной службы, провоцирующего совершение деликта. Это является условием, осложняющим процесс оценивания провокации преступления как самостоятельного противоправного деяния. Мнения ученых по вопросу социальной пользы провокации преступления различаются. Одни считают ее социальным благом, другие, напротив, обосновывают ее вредность. Вызывает интерес понятие провокации преступления сформулированное В. Д. Ивановым. Автор определяет ее как создание под видом социального блага условий для совершения преступления определенным лицом для дальнейшего изобличения его в содеянном. При этом провокатор вуалирует свою деятельность под оказание помощи правоохранительным органам, однако за всей этой якобы пользой скрыты активные действия, не только побуждающие других лиц совершить преступление, но и подталкивающие организовать совершение противоправного деяния¹.

Проблема, связанная с уголовно-правовой регламентацией провокации преступления, представляет несомненный научный и практический интерес в силу определенной специфики такого рода посягательств на этические и правовые нормы, охраняющие сложившиеся общественные отношения.

Принято считать, что приемлемые уголовно-правовые средства противодействия провокационной деятельности отсутствуют, а единственная норма, устанавливающая уголовную ответственность за данный вид посягательства, не является оптимальным уголовно-правовым средством.

В российской действительности проблема провокации преступлений приобретает особую актуальность. Это подтверждается складывающейся практикой рассмотрения Европейским Судом по правам человека жалоб, предметом которых выступает «полицейская провокация».

¹ Иванов В. Д. Правовые последствия оперативного эксперимента // Северный Кавказ: борьба с преступностью : сб. науч. тр. Ростов н/Д, 1997. С. 86.

Так, в постановлении Европейского Суда по правам человека по делу «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации» говорится: «Если преступление было предположительно спровоцировано действиями тайных агентов и ничто не предполагает, что оно было бы совершено и без какого-либо вмешательства, то эти действия уже не являются деятельностью тайного агента и представляют собой подстрекательство к совершению преступления. Подобное вмешательство и использование его результатов в уголовном процессе могут привести к тому, что будет непоправимо подорван принцип справедливости судебного разбирательства»².

Конституционный Суд Российской Федерации тоже не обходит вниманием в своих определениях проблемные вопросы, затрагивающие провокацию при проведении оперативно-розыскных мероприятий, в том числе оперативного эксперимента. Он разъясняет, что результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые могут стать доказательствами после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона, т.е. так, как это предписывается ст.ст. 49 (часть 1) и 50 (часть 2) Конституции Российской Федерации. В определениях также отмечается, что на основании результатов оперативно-розыскной деятельности возможно не только подтвердить, но и поставить под сомнение или опровергнуть сам факт преступления, что имеет существенное значение для разрешения вопроса об уголовном преследовании или отказе от него, а также от применения связанных с ним мер принуждения или ограничений прав личности³.

Хотя многие аспекты данной проблемы остаются спорными, несомненно, что основное отличие общественно опасного деяния, совершенного в результате провокационных действий, от инициативно совершенного умышленного преступления заключается в механизме формирования умысла. Поэтому действия лиц, непосредственно участвующих в оперативно-розыском мероприятии, должны быть сообраз-

² *Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации* : постановление Европейского Суда по правам человека от 15 декабря 2005 г. (жалоба № 53203/99) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 7.

³ *Определение Конституционного Суда РФ* от 21 мая 2015 г. № 1182-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Определение Конституционного Суда РФ* от 27 июня 2017 года № 1419-О. Там же; *Определение Конституционного Суда РФ* от 28 июня 2018 г. № 1468-О. Там же; *Определение Конституционного Суда РФ* от 29 января 2019 г. № 71-О. Там же.

ными условиям и обстановке, в которых оно проводится, а также поведению лица, в отношении которого имеются основания для его целевого проведения.

Подводя итог, необходимо отметить, что в отечественной правоприменительной практике нет четкого понимания границы между провокацией преступления и активно осуществляемым оперативно-розыскным мероприятием. Деятельность, проводимая в рамках оперативного эксперимента, может представлять собой провокаторские действия, тем самым нарушая нормы как уголовного закона, так и Конституции РФ, что может повлечь необоснованное обвинение лица, поддавшегося на провокацию. Решение сложившейся ситуации возможно путем включения статьи, устанавливающей уголовную ответственность за провокацию преступления, в Уголовный кодекс Российской Федерации.

С. И. Кельм

(Омская академия МВД России)

ПРОБЛЕМЫ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА КАК ПРИЧИНА СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И ПРЕСТУПНОСТИ

На сегодняшний день продолжается активное изменение жилищного законодательства, реформирование сферы ЖКХ, постоянно принимаются нормативно-правовые акты, которые касаются данной сферы, в том числе, напрямую или косвенно способствующие противодействию преступности в сфере ЖКХ¹. Но ни реформирование системы ЖКХ, ни изменение жилищного законодательства, ни повышение уровня благосостояния населения не могут повлиять на рост тарифов на коммунальные услуги и, соответственно, на рост недовольства и возмущения граждан.

20 февраля 2019 г. Президент РФ В. В. Путин в своем Послании Федеральному собранию РФ, рассматривая сферу жилищно-коммунального хозяйства, подчеркнул, что «люди должны видеть, за что они платят небольшие деньги и какие реальные изменения происходят. Нужно навести

¹ Быстрова Ю. В. Преступность в сфере ЖКХ: криминологическое исследование : монография. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32377934_42309090.pdf (дата обращения: 10.02.2020).

порядок в этой сфере, избавиться от мутных структур, которые не несут никакой ответственности, а только получают сверхприбыли»².

В.В. Путин, с одной стороны, рекомендует поддержать создание общественных организаций, которые контролировали бы ситуацию в жилищно-коммунальном хозяйстве России. С другой — призывает к более комплексной политике в ЖКХ, отметив, что «нам нужны не точечные, сиюминутные меры и латание дыр, а долгосрочные, системные решения, нацеленные на то, чтобы люди получали качественные коммунальные услуги по приемлемым и понятным ценам»³.

Основная часть жилищного фонда Российской Федерации — это частный жилищный фонд, в который входят жилые помещения, находящиеся в собственности граждан или юридических лиц. Это свидетельствует о том, что большая часть зданий и сооружений на территории Российской Федерации — это жилые дома и приватизированные или приобретенные в собственность квартиры, в которых проживают около 143 миллионов жителей России.

Большая часть городского населения проживает, как правило, в многоквартирных домах, оборудованных инженерными сетями, которые входят в систему жилищно-коммунального хозяйства. Чтобы частный фонд, который отражает уровень благосостояния и жизни населения, успешно функционировал, все расходы по содержанию жилых помещений возлагаются на собственников. Такое соотношение цифр подтверждает, что основным источником поступления денежных средств в экономический оборот отрасли являются коммунальные платежи населения (плата за содержание жилого помещения, текущий ремонт, взносы на капитальный ремонт жилого фонда). И, конечно же, сравнивая текущее состояние жилого фонда с постоянно увеличивающимися текущими платежами, граждане задаются вопросом: почему платежи растут, а качество предоставляемых услуг — нет. Кроме того жильцам очень трудно контролировать соотношение коммунальных платежей и качества получаемых услуг, что обуславливает высокий уровень латентности преступлений в рассматриваемой сфере. Острое недовольство граждан становится также одной из причин протестных выступлений. Как отмечает Е. А. Сизых, к самым крупным протестным выступлениям 2000-х гг. относится массовый (25 тыс. участников) митинг в апреле 2002 г. в Во-

² *Послание* Президента РФ Федеральному собранию РФ от 20.02.2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543/ (дата обращения: 27.12.2019).

³ *Илларионов В. А.* Создание организационно-правового поля для решения проблем жилищно-коммунального хозяйства России // *Вестник Казанского государственного финансово-экономического института*. 2013. № 4(6). С. 28.

ронеже с требованиями не допустить повышения тарифов на жилищно-коммунальные услуги⁴.

21 февраля и 28 марта 2010 г. в городе Архангельске прошли митинги, которые стали самыми массовыми за всю историю Архангельска. Акции протеста были инициированы местным отделением Коммунистической партии. Кроме требования снизить тарифы на электричество, отопление и горячую воду, участники митингов требовали национализации энергетики и добывающих отраслей промышленности⁵.

В 2016–2017 гг. в городе Новосибирске прошла волна митингов против роста тарифов ЖКХ. 16 декабря 2016 г. губернатор Новосибирской области подписал постановление о предельных индексах роста тарифов. Свое решение он объяснил «суровостью климата» в регионе. Увеличение тарифов на тепло- и водоснабжение на 15% одобрили Федеральная антимонопольная служба и ряд министерств. Против постановления губернатора новосибирцы митинговали 7 раз. В итоге тарифы повысили на 4%⁶.

Чтобы гарантировать качество и стоимость услуг в сфере жилищно-коммунального хозяйства и уменьшить социальную напряженность в обществе, нужно обеспечить прозрачность экономических отношений между поставщиком и потребителем коммунальных услуг. Вопросы противодействия преступлениям, совершаемым в сфере ЖКХ, все чаще становятся объектом внимания главы государства. Это говорит о том, что рост недовольства граждан функционированием сферы ЖКХ, а также увеличение числа преступлений в рассматриваемой сфере являются проблемами государственного масштаба, решение которых требует активного внимания и контроля государства, а также решительных действий по предупреждению и профилактике преступлений в сфере ЖКХ.

⁴ Сизых Е. А. Детерминанты преступности в сфере жилищно-коммунального хозяйства крупных городов России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/determinanty-prestupnosti-v-sfere-zhilishchno-kommunalnogo-hozyaystva-krupnyh-gorodov-rossii/viewer> (дата обращения: 02.02.2020).

⁵ Казаков В. В. Криминологические и уголовно-правовые меры противодействия преступлениям, совершаемым в жилищно-коммунальной сфере : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 91.

⁶ URL: <https://meduza.io/feature/2017/04/19/v-novosibirske-proshlo-sem-mitingov-protiv-rosta-tarifov-na-zhkh-posle-etogo-gubernator-peredumal-ih-povyshat> (дата обращения: 02.11.2019).

¹ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1988. Т. 6: Законодательство первой половины XIX в. С. 244–245.

О. С. Лазарчук

(Омская академия МВД России)

ПОНЯТИЕ САМОУПРАВСТВА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Понятие самоуправства как действий, направленных на самовольное осуществление своих действительных или предполагаемых прав вопреки установленному законом порядку, в памятниках древнерусского права отсутствует.

Близко к современному понятию определение самоуправства дается в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Согласно Уложению, самоуправно действовал тот, кто в случае совершенной в отношении него несправедливости или неисполнения его законных требований вместо того чтобы разрешить конфликт в установленном законом порядке, самостоятельно применял меры, сопряженные с насилием. Таким образом, все самоуправные действия должны были характеризоваться обязательным признаком — совершаться вопреки надлежащему установленному порядку (ст. 300)¹.

В Уголовном уложении 1903 г. понятие самоуправства в том виде, в котором оно было изложено в прежнем Уложении, отсутствует, однако законодатель, сохраняя такие признаки самоуправства, как насилие и самовольность, продолжает расширять понятие самоуправных действий. Он выделяет несколько видов деяний, соответствующих самоуправству: умышленное нахождение ночью в чужом помещении без ведома хозяина, умышленное неоставление чужих обитаемых зданий или иного помещения, несмотря на требования хозяина или лица его замещающего, если виновный вошел тайно и самовольно (ст. 511); вторжение в чужое здание посредством насилия или угрозы (ст. 512).

Таким образом, дореволюционные правоведы базовыми признаками самоуправства называли самовольность и насильственность совершаемых действий. Отсюда вытекало понятие самоуправства как насильственного действия, совершаемого вопреки закону и направленного против личности².

¹ *Российское законодательство X–XX веков* : в 9 т. М., 1988. Т. 6: Законодательство первой половины XIX в. С. 244–245.

² Там же. С. 101.

Отношение к самоуправным действиям меняется после отнесения их советским законодателем к преступлениям против порядка управления (УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР редакции 1926 г.). Так, из ст. 103 УК РСФСР 1922 г. следует, что под самоуправством понимается самовольное осуществление кем-либо своего действительного или предполагаемого права, совершенное с нарушением такого же права другого лица. При этом упоминание о размере причиненного потерпевшему ущерба отсутствует. В УК РСФСР редакции 1926 г. впервые появляется признак оспариваемости потерпевшим самовольных действий лица (ст. 90)³.

Последний Уголовный кодекс советского периода, принятый в 1960 г., переводит формальный состав самоуправства в материальный, во главу угла ставится вопрос о последствиях неправомерных действий виновного. Определение самоуправства в редакции ст. 200 УК РСФСР видится наиболее полным и верным: самовольное, с нарушением установленного законом порядка осуществление своего действительного или предполагаемого права, причинившее существенный вред гражданам либо государственным или общественным организациям.

С принятием в 1996 г. Уголовного кодекса Российской Федерации закончился советский период уголовного права. Законодатель поместил описание рассматриваемого преступления в ст. 330 УК РФ раздела 10 «Преступления против государственной власти» главы 32 «Преступления против порядка управления». Основные изменения были внесены в диспозицию указанной нормы — возрождено понятие оспариваемости законности действий субъекта преступления гражданином или организацией. В условиях ослабления тотального контроля со стороны государства за всеми сферами жизни общества и изменением экономических отношений законодатель предложил гражданам самостоятельно решать — имело место самоуправство или нет. Действия самоуправного характера согласно действующей редакции статьи не признаются таковыми, если потерпевший не предпринимает попыток их оспорить в установленном порядке. Законодатель, сохраняя частичную преемственность с дореволюционным и советским уголовным законодательством, сделал серьезный шаг назад, возродив признак оспариваемости самоуправных действий. Представляется, что данная точка зрения излишне формализована. Выходит, что первоначально инициатива защиты своего права должна исходить от самого гражданина — потерпевшего или организации, а не от государства в лице его соответствующих органов. Законода-

³ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. М., 1953. С. 128, 275.

тель, вынуждая потерпевшего оспорить, проявить несогласие с действиями преступника, фактически оставляет его один на один с нарушителем. Однако потерпевший не всегда может позволить себе открыто высказать свой протест. Ведь оспаривание может быть основано и на страхе и на других личностных особенностях и обстоятельствах. Кроме того, не совсем корректно ставить охрану такого важного объекта, охраняемого уголовным законом, как порядок управления, в зависимость от волеизъявления потерпевшего. Но и игнорировать волю потерпевшего тоже нельзя. Так как, если имеется согласие или одобрение действий преступника, то получается, что уже нельзя говорить о незаконности деяния и о преступлении. Таким образом, термин «оспариваемость» необходимо удалить из редакции статьи, что придаст ей более четкую и безальтернативную для преступника формулировку.

В корректировке нуждается и понятие существенности вреда ввиду его оценочного характера. На сегодняшний день отсутствует как таковая методика определения вреда, причиненного в результате совершения самоуправства. Он устанавливается в каждом конкретном случае по усмотрению судьи. Основываясь на точках зрения, выраженных в научной литературе по данной проблеме, можно выделить как наиболее удачное предложение о рассмотрении категории ущерба, причиненного потерпевшему в результате самоуправных действий, по аналогии с другими посягательствами на собственность⁴, поскольку данное преступление посягает на право собственности лица, как и хищение. Таким образом, во второй части ст. 330 УК РФ следует указать такой квалифицирующий признак, как «с причинением значительного ущерба гражданину», где учитывалась бы значимость причиненного самоуправством вреда для потерпевшего.

⁴ Сурков И. К. Самоуправство: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2006. С. 7.

С. В. Лебедев

(Омская академия МВД России)

ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ СТАТЬЕЙ 200³ УК РФ

Проблема «обманутых дольщиков» остается актуальной для Российской Федерации из-за сохраняющегося большого количества пострадавших граждан, инвестировавших свои средства в строительство многоквартирных жилых домов. Принимаемые законодателем меры по борьбе с этой проблемой в виде поэтапного перехода на проектное финансирование и установление уголовной ответственности за привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве имеют определенный эффект в виде снижения числа обманутых дольщиков. Это снижение вызвано не только установлением уголовной ответственности за нарушение Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 214-ФЗ), но и возможностью освобождения от нее, согласно примечанию 2 к ст. 200³ УК РФ, что мотивирует застройщика к исполнению своих обязательств перед инвесторами и, как следствие, ведет к снижению общего числа обманутых дольщиков.

Положение, закрепленное в примечании 2 к ст. 200³ УК РФ, сформулировано следующим образом: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если сумма привлеченных денежных средств (сделки с денежными средствами) возмещена в полном объеме и (или) если указанным лицом приняты меры, в результате которых многоквартирный дом и (или) иной объект недвижимости введены в эксплуатацию».

Таким образом, законодатель закрепляет два альтернативных условия, исполнение которых является основанием освобождения от уголовной ответственности за совершение деяния, предусмотренного ст. 200³ УК РФ.

Анализ материалов уголовных дел показал, что следователями допускаются прекращения уголовных преследований при наличии условий, предусмотренных примечанием 2 к ст. 200³ УК РФ, с указанием на отсутствие в действиях застройщика состава преступления, что является rea-

билитирующим основанием и представляется нам неверным, поскольку застройщик, в отношении которого ведется производство по уголовному делу и в действиях которого усматриваются признаки рассматриваемого состава преступления, уже совершил деяние, а значит, состав преступления в его действиях имелся. Следовательно, действия застройщика, направленные на выполнение условий примечания 2 к ст. 200³ УК РФ, следует оценивать как частный случай заглаживания вреда, причиненного преступлением, предусмотренный ч. 1 ст. 75 УК РФ.

Как известно, применению этой «поощрительной» нормы должно предшествовать добровольное активное социально полезное постпреступное поведение виновного¹. Введение же в эксплуатацию объекта недвижимости, по сути, является всего лишь исполнением застройщиком своих гражданско-правовых обязательств перед инвестором, а возврат денежных средств в случае «недостроя» — последствием неисполнения этих обязательств. Назвать данные действия застройщика заглаживанием вреда можно лишь с натяжкой, поскольку речь не идет ни о компенсации морального вреда, ни о возмещении убытков, вызванных многолетним использованием деньгами инвесторов и дальнейшим их возвратом в том же объеме, без учета положений ст. 395 ГК РФ². Получается, что в соответствии с примечанием 2 к ст. 200³ УК РФ застройщик обязан выполнить действия по деятельному раскаянию лишь частично. Кроме того, в ч. 2 ст. 75 УК РФ законодатель допускает возможность освобождения лица от уголовной ответственности за совершение преступления иной категории, т.е. не относящееся к категории небольшой и средней тяжести, в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ. Это положение должно распространяться и на ст. 200³ УК РФ, но в ней как раз описаны преступления небольшой (ч. 1) и средней (ч. 2) тяжести, а не иной категории.

Таким образом, положение, сформулированное в примечании 2 к ст. 200³ УК РФ, в результате допущенных отступлений от юридико-технических правил конструирования уголовно-правовых предписаний вызывает его неоднозначное понимание и оценку со стороны практических работников и ученых в плане его применения, поскольку оно вступает в противоречие с закрепленными в Общей части УК РФ положениями ст. 75 УК РФ. Для устранения указанных выше противоречий требуется

¹ Фильченко А.П. Деятельное раскаяние: проблемы конструирования ст. 75 УК РФ // Lex Russica. 2017. № 2(123). С. 92.

² Статья 395 ГК РФ устанавливает гражданско-правовую ответственность за неисполнение денежного обязательства и предусматривает уплату процентов на сумму долга, определяемых действующей ключевой ставкой Банка России.

либо исключить примечание 2 к ст. 200³ УК РФ, либо изменить ч. 2 ст. 75 УК РФ, где следует отказаться от упоминания категории преступления и указать, что в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ могут содержаться иные условия деятельного раскаяния.

В. П. Лещенко

(Краснодарский университет МВД России)

ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

Стремительное развитие цифровой экономики в современной России обусловило замещение традиционных платежных средств, используемых для наличного расчета, электронными средствами платежа. Неоспоримое преимущество данных платежных средств заключается в скорости перевода, а соответственно, осуществления расчетных операций, возможности дистанционного платежа, исключающей необходимость физического присутствия в магазине или кредитном учреждении, отсутствии административно-территориальных границ и др.

Однако, несмотря на безусловные преимущества электронных средств платежа, необходимо учитывать их уязвимость, т. е. возможности их удаленного неправомерного использования в корыстных целях. Свидетельством этого является неуклонный рост преступлений против собственности, совершаемых с использованием электронных средств платежа, в том числе путем обмана или злоупотребления доверием.

Значительное влияние на рост числа преступлений, предусмотренных гл. 21 УК РФ, оказали преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИТТ). Так, в 2019 г. количество краж, совершенных с использованием ИТТ, составило 98 798 (+202,4%), мошенничеств с использованием электронных средств платежа — 16 119 (+280%), мошенничеств в сфере ИТТ — 119 903 (+32,2%)¹.

Данные статистики демонстрируют изменение устоявшегося представления о структуре корыстной преступности и беспорном доми-

¹ *Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2019 года и тенденции ее развития : аналитический обзор.* М., 2020. С. 62.

нировании в ней тайного хищения чужого имущества. Наметившаяся в последние годы тенденция корыстной преступности позволяет предположить, что в дальнейшем количество мошенничеств, совершаемых с использованием электронных средств платежа, продолжит стремительный рост, поскольку дальнейшее развитие информационных технологий и возможностей средств коммуникации в ближайшей перспективе обусловит увеличение числа преступных посягательств против собственности, в первую очередь краж и мошенничеств.

Отмеченные обстоятельства влекут необходимость дифференцированного подхода законодателя к установлению ответственности за мошенничество в сфере электронных платежных систем.

Принятие поправок в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) направлено на усиление мер ответственности за отдельные преступления против собственности, связанные с посягательствами на электронные финансовые активы. Введение в систему преступлений против собственности нормы, устанавливающей ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159³ УК РФ), служит усилению уголовно-правовой охраны сектора цифровой экономики. Формулировка объективной стороны состава данного преступления позволяет определить используемые IT-сети в качестве средства совершения хищения чужого имущества.

В отличие от ранее действующей редакции ст. 159³ УК РФ, предусматривавшей ответственность за мошенничество с использованием платежных карт, новая редакция существенно расширила перечень средств совершения данного преступления, что, безусловно, является правильным решением, так как развитие технологий безналичных расчетов уже сейчас позволяет использовать для них не только платежные карты, но и иные устройства, круг которых со временем будет только расти.

В науке уголовного права устоявшимся является мнение, согласно которому предметом преступлений, закрепленных в главе 21 УК РФ (преступления против собственности), является имущество или право на имущество. При этом понятие предмета посягательства рассматривается в полном соответствии со ст. 128 ГК РФ.

Однако современные реалии, обуславливающие развитие сектора цифровой экономики, требуют расширения понятия предмета собственности, дополняя его альтернативными электронными платежными средствами (тем более что таковые уже признаются предметом взятки или коммерческого подкупа), определяя их как бездокументарные ценные

бумаги или цифровые права². В связи с вышесказанным хищение криптовалюты является преступлением и подлежит квалификации с учетом иных элементов составов преступлений и может быть квалифицировано по ст. 159³ УК РФ.

В заключение отметим, что дифференциация уголовно-правовой охраны имущественных интересов в сфере использования электронных средств платежа необходима, так как обеспечивает безопасность развития сектора цифровой экономики.

Д. А. Мурин

(Омская академия МВД России)

ПРОБЛЕМА ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ СОСТАВА ПРИОБРЕТЕНИЯ ИЛИ СБЫТА ИМУЩЕСТВА, ЗАВЕДОМО ДОБЫТОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ (СТАТЬЯ 175 УК РФ)

Отмечаемая всеми специалистами сложность определения общественной опасности данного преступления связана с проблемами, заложенными в самой конструкции ст. 175 УК РФ¹. В данной статье, предусматривающей ответственность за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, должна была найти выражение правовая природа борьбы с незаконным оборотом чужого преступно добытого имущества. Основной недостаток юридической конструкции ст. 175 УК РФ заключается в том, что в ней представлена фактическая совокупность разномоментных самостоятельных деяний, совершенных разными лицами. К сожалению в ст. 175 УК РФ объединены, но до конца не разграничены два совершенно разных по своему содержанию и, соответственно, общественной опасности деяния — приобретение и сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем.

² О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 59) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

¹ Малюгин С. В. Категория «правовая природа»: понятие, детерминанты, основные характеристики и подходы к определению // Российский юридический журнал. 2016. № 3. С. 46–58.

Существующее в настоящее время толкование термина «приобретение» не отражает фактического содержания преступного действия, поскольку делает акцент только на второй стороне, которая приобретает имущество, в то время когда первая сторона, которая переводит имущество в незаконный оборот, остается в тени и не привлекается к уголовной ответственности. Вместе с тем приобрести преступно добытое имущество без первого преступника невозможно. Поэтому приобретение должно в уголовном законе иметь точные признаки умышленного деяния, складывающегося из совершения умышленного действия первым лицом по переводу имущества, заведомо добытого преступным путем, в незаконный оборот чужого преступно добытого имущества (фактический сбыт имущества первым преступником, совершившим основное, предикатное преступление) и умышленного действия вторым лицом по приему имущества, заведомо добытого преступным путем в незаконный оборот чужого преступно добытого имущества (фактическое получение, приобретение имущества вторым преступником). Как самостоятельную следует рассматривать и ситуацию с понятием сбыта имущества, в котором присутствует и тот, кто сбывает, и тот, кто приобретает, поскольку невозможно сбыть без определенного получения, которое также может быть приобретением.

Приобретение — это оказание помощи преступнику после совершения преступления, но не в укрывательстве, а в поддержке его преступной деятельности, поддержке того, что он совершил преступление, фактическом одобрении самого преступника и его преступления².

Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ), представляет собой умышленное обращение виновным полученного от другого лица чужого имущества, заведомо для виновного добытого в результате совершенного другим лицом преступления, в доход или пользу виновного, или иным образом направленное на достижение определенного корыстного результата от плодов совершения другим лицом преступления.

Данное деяние основано на уже совершенном другим лицом преступлении, направлено на достижение определенного корыстного результата от его плодов. Объективная сторона приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, характеризуется активными дей-

² Смирнов В. Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву. Л., 1957. С. 44.

³ Семилетова Л. В. Криминологическая характеристика и предупреждение приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 37.

ствиями виновного. Обязательным признаком этих действий является обращение имущества в доход, пользу виновного. Реализация преступно добытого имущества способствует существованию тех преступлений, которыми оно было добыто. Такая функциональная связь между преступлениями объективно повышает общественную опасность данных преступлений³. Эта особенность — квинтэссенция всего незаконного оборота преступно добытого имущества.

Приобретение имущества по смыслу ст. 175 УК РФ — это возмездное или безвозмездное получение имущества в любой форме, в результате которого приобретатель может отчуждать или лично его использовать. При этом возможно существование таких форм приобретения (сбыта), как залог, заем, хранение и ряда других.

На основании этого предлагается статью 175 УК РФ изложить в следующей редакции:

«Статья 175. Незаконный оборот преступно добытого имущества

1. Сбыт имущества, добытого лицом путем совершения им преступления, третьему лицу в целях наживы — наказывается...

2. Получение, приобретение, хранение, перемещение или сбыт имущества, заведомо добытого другим лицом путем совершения преступления — наказывается...»

Ю. В. Мурина

(Сибирский юридический университет, г. Омск)

ОСНОВАНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ХАЛАТНОСТИ

В уголовно-правовой науке всегда с особым вниманием относились к вопросу о законодательном признании определенных общественно опасных деяний преступными и наказуемыми. Как отмечает С. А. Маркунцов, наличие объективных социальных истоков и оснований уголовно-правовых запретов являются основой для криминализации деяний¹.

В юридической науке существуют различные точки зрения ученых по проблеме криминализации общественно опасных деяний. Согласно одной из них «объективная потребность общества в криминализации возникает в результате взаимодействия нескольких факторов: степени

¹ Маркунцов С. А. Уголовно-правовой запрет: теоретический аспект / под науч. ред. А. Э. Жалинского. М., 2007. С. 69.

общественной опасности (важнейший фактор), степени их распространённости, невозможности успешной борьбы с этими деяниями менее репрессивными мерами»². Согласно другой, в качестве предпосылок и факторов, которые необходимы для установления уголовно-правового запрета предлагаются «распространённость конкретных деяний и оценка их типичности; динамика совершения деяний с учетом причин и условий, их порождающих, определение причиняемого такими деяниями материального и морального ущерба»³.

Оригинальным, на наш взгляд, представляется утверждение Л. М. Прокументова, что «конкретными основаниями криминализации, определяющими ее необходимость, служат: во-первых, появление общественно опасного деяния с достаточно высокой степенью общественной опасности (что может быть обусловлено появлением новых отношений — объекта посягательства); во-вторых, повышение степени общественной опасности деяния (вследствие повышения степени общественной опасности способа совершения правонарушения или вследствие изменения социальной значимости вреда от этого правонарушения)»⁴. Как справедливо отмечает Л. М. Прокументов, «если деяние не является общественно опасным, то оно не может быть криминализовано»⁵. Несмотря на то что общественная опасность указывалась в качестве признака преступления во всех УК РСФСР и сохранилась в ныне действующем УК РФ, в уголовном праве данная категория оценивалась по-разному. Согласно наиболее распространенной позиции общественная опасность означает причинение или создание угрозы причинения существенного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям в результате совершения преступного посягательства⁶.

Наиболее верным нам представляется определение общественной опасности, данное А. И. Марцевым: общественная опасность — это «свойство каждого преступления в отдельности и всех преступлений,

² Дагель П. С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. 1975. № 4. С. 68.

³ Мазур О. В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с побегами из мест лишения свободы (по материалам Западно-Сибирского региона) : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1997. С. 17–19.

⁴ Прокументов Л. М. Общественная опасность как основание криминализации (декриминализации) деяния // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4(14). С. 89–90.

⁵ Там же.

⁶ Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М., 2002. С. 167.

вместе взятых, производить в обществе существенные отрицательные социальные изменения»⁷.

Халатность является общественно опасным деянием, относящимся к группе неосторожных преступлений, в процессе совершения которого в обществе меняется система базовых ценностей: происходит деформация ценностных ориентаций людей, так как на первый план выдвигаются несоблюдение предписаний, инструкций и норм права, что также вызывает тревожные мысли о росте социальной несправедливости в обществе. Так, по данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) о том, каких проблем в жизни россияне опасаются больше всего, первую строчку «карты страхов» занимает тревога о росте или возможном росте социальной несправедливости между людьми — беспокойство на этот счет высказало 68% опрошенных. Чаще тревогу по этому поводу испытывают граждане среднего и старшего возраста: 35–44 лет (69%), 45–59 лет (72%) и от 60 лет (71%)⁸.

Необходимо отметить, что, в отличие от других должностных преступлений, выявление и расследование фактов халатности отличается особой сложностью. Так, согласно статистическим данным общее количество преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления на территории Российской Федерации в 2014 г. составило 25 234, в 2015 г. — 26 549, в 2016 г. — 26 355, в 2017 г. — 23 111, в 2018 г. — 24 039 преступлений, тогда как преступлений, предусмотренных ст. 293 УК РФ, зарегистрировано в 2014 г. 910, в 2015 г. — 994, в 2016 г. — 827, в 2017 г. — 1008, 2018 г. — 977⁹. Как видно из приведенных статистических данных, халатность составляет незначительную часть всех официально зарегистрированных должностных преступлений.

Таким образом, вся совокупность этих обстоятельств может быть представлена в виде оснований установления уголовно-правового запрета, характеризующих главным образом объективную общественную опасность халатности, которая выражается в том существенном вреде, который причиняется охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

⁷ Марцев А. И. Общие вопросы учения о преступлении : монография. Омск, 2000. С. 10.

⁸ Карта страха россиян: Осень–2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9999> (дата обращения: 22.01.2020).

⁹ Состояние преступности в России за 2014–2018 гг. // Статистический сборник ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России».

Д. А. Огорелков

(Омская академия МВД России)

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА

Наказание, являясь одним из ключевых институтов уголовного права, было и остается важнейшим инструментом государственной защиты всех сфер общественной жизни. Несмотря на либерализацию уголовного законодательства, а также расширение практики применения иных мер уголовно-правового характера, именно оно является ведущей формой реализации уголовной ответственности. Применение наказания за совершение общественно опасного деяния позволяет обеспечивать должное поведение людей в соответствии с требованиями правовых норм.

В настоящее время особый интерес приобретают вопросы регламентации, назначения и исполнения уголовного наказания в виде штрафа, поскольку применение указанной меры уголовной репрессии в качестве основного вида наказания находится на довольно высоком уровне. В 2018 г. штраф был назначен судами в отношении 85 353 осужденных и был на третьем месте среди всех назначенных наказаний. В первом полугодии 2019 г. штраф назначен 39 869 осужденным, т. е. отмечается тенденция к сохранению показателя.

Положение штрафа в системе наказаний дает основание считать его наиболее мягкой мерой репрессивного воздействия. Штраф не относится к наказаниям, связанным с изоляцией от общества, не входит в перечень наказаний, связанных с трудовым воздействием. Однако посредством назначения штрафа, который выражается в денежном взыскании, суд ограничивает имущественные права осужденного, что в некоторых случаях способно оказать более строгое воздействие, чем иные меры уголовной репрессии.

По исследованиям экспертов международной организации «Oxfam», с 2016 г. всего 1% богатейших людей планеты сосредоточили в своих руках 99% всех финансовых ценностей на Земле. И концентрация богатства «клубом избранных» с каждым годом только увеличивается¹.

После закрепления в ст. 46 УК РФ способа исчисления штрафа исходя из величины, кратной сумме подкупа, взятки или сумме незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инстру-

¹ Жандарова И. На Земле живут 62 человека? Богатства Земли находятся в руках 1% населения. URL: <https://rg.ru/2016/01/19/bogachi.html> (дата обращения: 21.03.2020).

ментов, установленной в размере до стократной суммы, именно штраф стал действенным и эффективным средством воздействия на преступников, занимающих высокое общественное положение, имеющих крупное состояние, в том числе имущество, оформленное на иных лиц.

Например, лицу, совершившему преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 291 УК РФ, может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет. За это же преступление может быть назначен штраф в размере до сорокакратной (!) суммы взятки. На наш взгляд, последний вариант выглядит более предпочтительным, когда виновный имеет значительные финансовые ресурсы. В таком случае наказание окажет воздействие на материальное положение лица, ограничит его финансовые возможности на определенный срок, а также обеспечит правопослушное поведение. Даже если денежные средства официально оформлены на иных лиц, и государство в лице правоохранительных органов не может наложить на них взыскание, в ситуации необходимости уплаты штрафа виновный сам обратит такие финансы в пользу государства.

Назначение наказания в виде штрафа может иметь также следующий положительный фактор. С учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения осужденного и его семьи, а также с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода, суд может назначить штраф с рассрочкой выплаты определенными частями на срок до пяти лет. Согласно ст. 86 УК РФ в отношении лиц, осужденных к более мягким видам наказаний, чем лишение свободы, судимость погашается по истечении одного года после исполнения наказания. Таким образом, правоохранительный контроль за постпреступным поведением лица может сохраняться на срок до шести лет, а это срок даже больший, чем предусмотрен в случае лишения свободы.

В ситуации совершения нового преступления при неуплаченном полностью штрафе (при рассрочке), данное обстоятельство будет признано судомотягчающим, а именно — рецидивом преступлений, в соответствии с ч. 1 ст. 18 УК РФ. А в случае неуплаты суммы штрафа по истечении установленного срока суд должен будет заменить наказание на более строгий вид.

Перспективы уголовно-правового воздействия наказания в виде штрафа во многом определяются характеристикой личности преступника, к которому это воздействие применяется. За совершение коррупционных преступлений штраф как основной вид наказания в 2018 г. был назначен лишь в отношении 4210 осужденных из 16 607, что составило

25,35%². Представляется, что с течением времени этот показатель должен увеличиться, так как штраф способен оказывать на преступника длительное строгое предупредительное воздействие, в полной мере обеспечивая достижение целей наказания.

И. В. Петрова

(Академия управления МВД России, г. Москва)

НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Рассматривая недвижимое имущество как объект уголовно-правовой охраны, необходимо прежде всего обратиться к понятию «недвижимость». Оно означает «свойство и состояние недвижимого; неподвижность, покой, косность»¹. В юридической научной литературе пока не сложилось единого мнения относительно содержания данного понятия, поскольку авторы указывают разные его признаки: индивидуальность — уникальные характеристики, присущие определенному объекту; прочная связь с землей; социальная значимость, обусловленная вложением труда и важностью для каждого человека; правовая сущность, обусловленная обязательной государственной регистрацией и реализацией гражданских прав в отношении объектов недвижимого имущества². Изучение имеющихся дефиниций позволило прийти к выводу, что недвижимость — это вид имущества, признаваемого в соответствии со ст. 130 УК РФ недвижимым.

Несомненным является стратегическая важность недвижимого имущества, в частности, в жилищной сфере, которая обуславливает механизм его охраны, в том числе от преступных посягательств, ущерб от которых исчисляется многомиллиардными суммами³, причем ущерб причиняет-

² Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности за 2018 г. URL: <http://www.cdcp.ru/index.php?id=150> (дата обращения: 23.03.2020).

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2005. С. 355.

² Белов Е. В. Мошенничество с недвижимостью в жилищной сфере (способы совершения и проблемы квалификации) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 70.

³ Капустюк М. А. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых на рынке недвижимости : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 9.

ся не только собственнику, но и обществу, и государству. Недвижимое имущество, составляющее жилищный фонд, несомненно, обладает особой социальной значимостью: «Жилищная сфера характеризует область существования человека, т.е. там, где он находится значительную часть своего времени, где реализует различные потребности, и т.п.»⁴. Объем жилищного фонда в Российской Федерации составляет 3,7 млрд кв.м, в том числе многоквартирных домов — 2,5 млрд кв. м⁵.

Сегодня государство большое внимание уделяет охране собственности, особенно недвижимого имущества, и гарантирует его защиту, в том числе и уголовно-правовыми средствами.

Раскрывая особенности объекта преступлений, совершаемых в сфере недвижимости, следует отметить, что эта группа преступлений расположена в разных главах Уголовного кодекса (Глава 21 «Преступления против собственности», Глава 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», Глава 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»), что затрудняет его определение.

Большинство авторов научных изданий к родовому объекту преступлений, совершаемых в сфере недвижимости, относят безопасность экономических отношений, к видовому объекту — общественные отношения, обеспечивающие права собственника по владению, пользованию и распоряжению недвижимостью. Непосредственным объектом считают общественные отношения, обеспечивающие права собственника или иного лица на объект недвижимости, в частности, на жилое помещение. Указанные общественные отношения, безусловно, связаны с основными положениями как жилищного, так и гражданско-правового законодательства, что обуславливает определенную специфику предмета и метода уголовно-правового регулирования.

Недвижимое имущество как объект уголовно-правовой охраны имеет сложную, комплексную, многогранную, системообразующую структуру, вобравшую в себя комплекс общественных отношений, связанных с реализацией права собственности, заключающегося не только во владении, пользовании и распоряжении, но и в исключительном праве передачи (отчуждения) своих прав в пользу иных лиц — участников правоотношений, поскольку недвижимое имущество является предметом собственности, которую авторы понимают в уголовно-правовой науке неоднознач-

⁴ Белов Е. В. Указ. соч. С. 17.

⁵ Федеральная служба государственной статистики. Общая площадь жилых помещений на конец года (дата обращения: 23.02.2020).

но, при этом почти все за основу берут ее гражданско-правовое понятие⁶. Например, Н. Г. Борзенков определяет собственность как «общественные отношения в сфере распределения материальных благ, предназначенных для индивидуального или коллективного потребления либо для осуществления производственной деятельности»⁷.

Ю. А. Ляпунов обращает внимание на экономическое понимание собственности⁸ (хотя и говорит о юридическом содержании — правомочиях собственника), выделяя при этом статический и динамический моменты собственности.

Следует признать, что правовые отношения в жилищной сфере — пласт общественных отношений, требующих детальной регламентации, заслуживающих пристального внимания законодателя не только в силу специфики возникновения и социальной значимости, но и в силу влияния, в конечном итоге, на экономическую безопасность, поскольку общественная опасность преступлений в сфере недвижимости проявляется в непосредственном воздействии на общественные отношения, складывающиеся в процессе создания и использования объектов недвижимого имущества, выступающего своеобразной лакмусовой бумажкой материального благополучия общества в связи с реализацией прав на недвижимое имущество, выражающейся в совершении гражданско-правовых сделок. Именно указанные общественные отношения служат объектом преступлений в сфере недвижимости и имеют концептуальное значение для решения вопросов как законодательного, так и правоприменительного характера.

⁶ *Энциклопедия уголовного права*. Т. 18: Преступления против собственности. СПб., 2011. С. 13.

⁷ *Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть* / под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова. М., 2002. С. 173–176 ; *Российское уголовное право* : в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. М., 2003. С. 208, 210.

⁸ *Уголовное право. Особенная часть* / под ред. Н. И. Ветрова и Ю. И. Ляпунова. М., 1998. С. 196.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ МЕЛКОГО ХИЩЕНИЯ, СОВЕРШЕННОГО ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ

Преступления против собственности традиционно являются преобладающими среди всех зарегистрированных общественно опасных деяний. Так, в 2017 г. доля имущественных посягательств от общего числа всех зарегистрированных деяний составила 42%, в 2018 г. — 42,3%, в 2019 г. — 42,5%. В общей массе зарегистрированных хищений чужого имущества в 2019 г. мелкие хищения составили 2,2%, что превышает количество хищений, совершенных путем присвоения и растраты (1,7%) и разбоев (0,7%).

Рассматривая вопрос об общественной опасности мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию, невозможно оставить без внимания тот факт, что данная норма представляет собой правовую конструкцию с административной преюдицией. Мелкое хищение, являясь примером административной преюдиции, обладает присущими ей признаками: однородностью деяний и повторностью их совершения. Данные признаки отмечает Конституционный Суд РФ, разъясняя, что повторные однородные действия вкупе с иными факторами по характеру и степени общественной опасности приближаются к преступным.

После введения в 2016 г. статьи 158¹ УК РФ, по данным официальной статистики (форма № 4-ЕГС «Единый отчет о преступности»), количество зарегистрированных мелких хищений, совершенных лицами, подвергнутыми административному наказанию, в 2017 г. составило 9250 преступлений, в 2018 г. — 13 861, в 2019 г. — 19 091. Несмотря на установление уголовной ответственности за мелкое хищение, ежегодный рост зарегистрированных преступных деяний, продолжает увеличиваться и число административных правонарушений: 2017 г. — 144 632, 2018 г. — 148 030, 2019 г. — 156 503. Наибольшее количество преступных деяний, предусмотренных ст. 158¹ УК РФ, зарегистрировано в Сибирском и Приволжском федеральных округах — 3959 и 6311 преступлений соответственно. Наименьшее — в Дальневосточном и Северо-Кавказском федеральных округах (270 и 502). Сравнительный анализ позволяет сделать вывод о территориальной распространенности и постоянном росте мелких хищений,

совершенных лицами, подвергнутыми административному наказанию, в каждом федеральном округе и, следовательно, на всей территории Российской Федерации.

Предметами мелких хищений становятся продукты питания, спиртные напитки, средства личной гигиены, одежда, оставленные без присмотра личные вещи, а также изделия из черных и цветных металлов. Из 400 проанализированных приговоров 376 мелких хищений (94%) совершены в продовольственных магазинах и гипермаркетах. На первый взгляд, можно сделать вывод о низком уровне латентности мелких хищений, которые в подавляющем большинстве случаев совершаются в магазинах ранее судимыми. Но указанные аналитические данные свидетельствуют вовсе не о простоте, ясности и легкой выявляемости мелких хищений, а напротив, об отсутствии пресечения и раскрытия, ввиду высокого уровня латентности таких мелких хищений, как шоплифтинг или хищения цветных металлов небольшой стоимости. Так, среди изученных уголовных дел, возбужденных по ст. 158¹ УК РФ, 18% составили дела о мелком хищении лома черных и цветных металлов (бытовые предметы, кабели, катушки, рельсы и так далее)¹.

На наш взгляд, наибольшую общественную опасность представляет шоплифтинг (от англ. *shop* — магазин, *lift* — кража). Под шоплифтингом понимают систематическую осознанную противоправную деятельность по совершению хищений товарно-материальных ценностей (товаров) в сетевых розничных магазинах современных форматов². Одним из главных признаков указанной противоправной деятельности выделяется систематичность, что служит свидетельством потенциального попадания данного явления под действие ст. 158¹ УК РФ. По мнению экспертов, более 50% магазинных краж происходит при участии персонала, из которых около 80% совершаются непосредственно на кассе, в том числе в результате сговора недобросовестных покупателей с кассиром³. Анализ судебных решений подтверждает отсутствие выявления, предупреждения и раскрытия шоплифтинга. Трудности выявления магазинных

¹ *Архипова Н.А.* К вопросу о предмете преступного посягательства как элементе криминалистической характеристики мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию // *Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики* : сб. науч. тр. участников Международной науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2018. С. 32.

² *Лебедь А.Н.* Магазинные кражи в России: направления исследования // *Закон и жизнь*. 2017. Т. 1. № 2. С. 38.

³ *Бойко О.А., Панов С.Л.* Защитят ли супермаркеты от краж кассы самообслуживания // *Виктимология*. 2018. № 1. С. 94.

хищений связаны прежде всего с обнаружением факта преступления спустя продолжительное время. Недостачи вскрываются при проведении инвентаризаций, и определить момент хищения товаров практически невозможно.

Проблема распространенности хищений в торговой сфере существует не только в Российской Федерации, но и в более экономически развитых европейских странах. Так, профессор Л. Г. Ходов, называя магазинное воровство явлением масштабным и интернациональным, приводит статистические данные за 2018 г., показывающие, что около 30% всего ущерба торговли Германии (1,01 млрд евро) составили хищения, совершенные торговым персоналом, и 10% — хищения, совершенные работниками доставки и сервиса⁴. Большие масштабы мелких хищений привели к устойчивой практике увеличения цены, заранее предусмотренного предпринимателем, на 3–5% на все предлагаемые товары. Опросы индивидуальных предпринимателей и руководителей сетевых гипермаркетов показывают незаинтересованность решения проблемы мелких хищений посредством правоохранительных органов.

Таким образом, установление уголовной ответственности за мелкое хищение является закономерным законодательным решением. Территориальная распространенность, ежегодный рост, высокий уровень латентности свидетельствуют об общественной опасности мелких хищений, требующих и административного, и уголовного регулирования. В ситуации, когда имущество любой ценности может быть изъято и обращено в пользу виновного или других лиц, отношения собственности оказываются под угрозой, так как рискуют потерять свой смысл.

⁴ Ходов Л. Г. Много ли воруют в магазинах Германии // Горизонты экономики. 2019. № 5. С. 127.

О. А. Старостенко

(Краснодарский университет МВД России)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕРТВЫ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Успешное развитие инновационных технологий оказывает благоприятное воздействие на совершенствование информационного обеспечения общества посредством компьютерных технологий, но при этом способствует росту киберпреступности¹. Отметим, что часто именно жертва своей физической, психологической и социальной предрасположенностью способствует совершению преступлений рассматриваемого вида.

По заказу правительственной службы GetSafeOnline в Великобритании был произведен опрос населения, в результате которого установлено, что от действий киберпреступников пострадало больше половины респондентов. Средняя сумма индивидуального ущерба составила 250 фунтов стерлингов (примерно 290 долларов). Свыше 5 тыс. опрошенных пояснили, что были слишком сконфужены, в связи с чем не рассказали никому о случившемся, 33% жертв не смогли оценить свое поведение в интернете с точки зрения безопасности, 21% их потеряли деньги в результате инцидента; 30% пострадавших пришлось менять все пароли, 16% — банковскую карту.

Нередко граждане Британии сталкиваются с вирусами (25% опрошенных), взломами электронной почты (20%), социальных сетей (15%), онлайн-мошенничеством с электронными платежами (40%).

Немаловажным выводом опроса стало то, что британские жертвы киберпреступности не хотят и не любят учиться на своих ошибках: 70% владельцев ноутбуков, пострадавших от кибератаки, и 80% владельцев смартфонов не сделали никаких выводов и продолжают пользоваться своими устройствами, не придерживаясь элементарных мер безопасности².

Полагаем, что подобные ситуации обуславливаются несоблюдением элементарных, известных жертве правил безопасности либо незнанием таких правил, а также слабой правовой регламентацией хозяйственных правоотношений и отсутствием качественного объема нормативно-

¹ Ривман Д. В. Криминальная виктимология. СПб., 2002. 304 с.

² Официальный сайт АО «Лаборатория Касперского». URL: <https://www.kaspersky.ru/> (дата обращения: 14.03.2020).

правовых актов, выполняющих охранительную функцию в отношении предпринимательства и частных лиц.

В ходе сбора и анализа эмпирического материала нами выделены основные психологические признаки, характеризующие жертву информационно-телекоммуникационного мошенничества:

- 1) подавленность, печаль, тревога как базовые состояния;
- 2) доверчивость, наивность, сострадание;
- 3) потребность в помощи;
- 4) фиксация на ощущении безвыходности;
- 5) физическая вялость;
- 6) тяжелое материальное состояние, желание обогатиться;
- 7) высокий уровень тревоги;
- 8) противоречивость;
- 9) одиночество;
- 10) агрессивность;
- 11) правомерность или противоправность.

В состав социально-демографических признаков входят:

- 1) пол;
- 2) возраст;
- 3) род занятий;
- 4) образование;
- 5) место жительства;
- 6) социальный статус и социальное положение.

На основании выделенных признаков можно сделать вывод, что мошенничество в сфере информационно-телекоммуникационных технологий носит интеллектуальный характер. Преступник, воздействуя на интеллектуально-волевую сферу жертвы, манипулирует ею, искажает действительность. В свою очередь понимание действительности к жертве приходит лишь только после совершения противоправного деяния, так как до этого создавалось ощущение действия по собственному желанию. Необходимо отметить, что в определенной части жертва обладает свойствами преступника: жадностью, наглостью, корыстью и др. Используя эти качества, мошенник добивается своей преступной цели — усыпляет бдительность «Взрослого» жертвы и переводит диалог на уровень «Ребенок — Ребенок». Данные действия искажают сознание жертвы, вследствие чего создается ощущение, что на самом деле сама жертва обманывает мошенника и руководит ситуацией³.

³ Шурухнов Н. Г., Дроздова И. Ю. Взаимодействие преступника и жертвы в современных видах мошенничества. Калуга, 2019.

Таким образом, виктимологическая оценка социально-психологических параметров жертв преступлений, развитие практики виктимологического воздействия на преступность помогут в разработке отдельных мер для предупреждения мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

С. Е. Суверов

(Омская академия МВД России)

ЮРИДИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСТПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЦА, НАПРАВЛЕННОГО НА ПРИМИРЕНИЕ С ПОТЕРПЕВШИМ, КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 76 УК РФ

Современная уголовно-правовая политика России в числе приоритетных направлений провозглашает декриминализацию общества, которая осуществляется, в том числе посредством реализации института освобождения от уголовной ответственности. Так, по ст. 76 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) от уголовной ответственности освобождается наибольшее количество лиц в сравнении с иными видами.

По-нашему мнению, основанием для освобождения лица от уголовной ответственности по ст. 76 УК РФ является примирение с потерпевшим. В свою очередь, наличие данного основания в значительной степени предопределяется поведением лица после совершения им преступления. Целесообразность отказа от уголовного преследования преступника должна подтверждаться данными о снижении общественной опасности его личности, что находит свое внешнее выражение в осуществляемой им послепреступной деятельности.

В юридической литературе недостаточно внимания уделялось изучению структуры посткриминального поведения, служащего основанием для освобождения лица от уголовной ответственности¹. Под поведением необходимо понимать внешне наблюдаемую систему поступков человека,

¹ Ценева В. В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим : дис. ... канд. юрид. наук. Кемерово, 2002. С. 126–127.

в которой реализуются его внутренние убеждения². Согласно данному определению человеческое поведение должно быть:

а) сознательным, т.е. человек понимает, что именно он делает и для чего, может руководить своими действиями;

б) объективно выраженным, т.е. оказывающим определенное воздействие на окружающие внешние и социальные события³.

Именно поэтому ряд исследователей полагает, что позитивное постпреступное поведение обладает определенной структурой, которая существенным образом сходна с составом преступления⁴.

Переходя к рассмотрению объекта поведения, укажем, что в теории права он понимается как «те материальные и духовные блага, предоставлением и использованием которых удовлетворяются интересы управомоченной стороны правоотношения»⁵. Однако данное определение подходит при изучении отношений, в которые вовлечены несколько субъектов, нами же исследуется исключительно поведение преступника.

Следует согласиться с точкой зрения Р.А. Сабитова, что в качестве объекта примирения следует рассматривать общественные отношения и социальные ценности, которым преступлением был причинен вред⁶.

Объективная сторона постпреступного поведения, направленного на примирение с потерпевшим, состоит из совокупности осуществленных действий, связанных с примирением (принесение извинений, раскаяние в содеянном и т.д.), последствий данных актов, которые должны выразиться в самом факте примирения, причинной связи между данными явлениями, в соответствии с которой именно данные действия преступника привели к тому, что между ним и потерпевшим состоялось примирение.

Субъектом посткриминального поведения, направленного на примирение с потерпевшим, является лицо, совершившее преступление, ко-

² *Ефремова Г.Х., Ратинов А.Р.* Правовая психология и преступное поведение. Теория и методология исследования : монография. Красноярск, 1988. С. 13–15.

³ *Кудрявцев В.Н.* Право и поведение. М., 1978. С. 11.

⁴ *Аликперов Х.Д.* Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Законность. 1999. № 5. С. 17–21 ; *Звечаровский И.Э.* Посткриминальное поведение: понятие, ответственность, стимулирование. Иркутск, 1993. С. 63–64.

⁵ *Теория государства и права : курс лекций / под ред. М.Н. Марченко.* 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998. С. 400.

⁶ *Сабитов Р.А.* Посткриминальное поведение: понятие, регулирование, последствия / под ред. Р.Р. Галиакбарова. Томск, 1985. С. 149.

торое должно обладать совокупностью следующих признаков: быть физическим вменяемым, достигшим возраста уголовной ответственности⁷.

Субъективная сторона поведения виновного в преступлении лица отражает его психическое отношение к своему посткриминальному поведению, которое может быть только умышленным⁸, следовательно, лицо должно осознавать общественную полезность своих действий, предвидеть возможность или неизбежность наступления полезных для потерпевшего и общества последствий и желать их наступления, в том числе желать наступления примирения с потерпевшим.

Итак, поведение лица, направленное на примирение с потерпевшим, состоит из совокупности неотъемлемых элементов:

1) объекта — конкретной социальной ценности, общественных отношений, которым приносится польза от данного поведения;

2) объективной стороны — суммы деяний, которые были совершены лицом, включая наступившие от них последствия, а также связь между данными явлениями;

3) субъекта — лица, совершившего преступление;

4) субъективной стороны — психического отношения лица к совершаемым действиям и их последствиям.

В завершение отметим, что определение содержания вышеупомянутых элементов необходимо для правомерного и обоснованного освобождения лиц от уголовной ответственности.

Р. Р. Уматкулова

(Уфимский юридический институт МВД России)

УСМОТРЕНИЕ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Все разнообразие условий и обстановки управленческой деятельности нельзя предусмотреть правовыми нормами, в связи с чем необходимы законные средства гибкого реагирования на возникающие ситуации. К числу таких средств относится административное усмотрение, под

⁷ Савкин А. В. Деятельное раскаяние — свобода от ответственности // Рос. юстиция. 1997. № 12. С. 35–37.

⁸ Сабитов Р. А. Уголовно-правовое значение посткриминального поведения : лекция. Омск, 1985. С. 36.

которым следует понимать мотивированный выбор уполномоченного субъекта, необходимый для выполнения управленческих и иных задач.

В учреждениях уголовно-исполнительной системы непосредственными субъектами административного усмотрения являются руководители, обладающие необходимыми властными полномочиями.

В правовой науке вопросы усмотрения получили достаточно широкое освещение. Согласимся с позицией авторов, которые указывают, что неопределенность в праве представляет собой негативное явление, ее суть состоит не в абстрактном характере норм права, а в неясности поведения в конкретной сложившейся ситуации¹. Возможность административного усмотрения необходимо отличать от пробелов в праве, поскольку оно основывается на конкретных правовых нормах и реализуется строго в рамках правового поля. Стоит также отметить, что на усмотрение в праве влияет субъективный фактор правоприменителя, следовательно, существуют не только правовые, но и психолого-нравственные пределы усмотрения.

Применение норм права в уголовно-исполнительной системе включает оценку деяния, т. е. применение мер поощрения, наложение мер взыскания, изменение условий отбывания наказания, освобождение от него, а также иные вопросы. Данная деятельность обуславливает обязательное знание законодательства, права, правоприменительной практики, а также наличие высоких нравственных качеств.

В настоящее время в условиях реформирования пенитенциарной системы административное усмотрение становится особо актуальным. Руководители различного уровня сталкиваются с разнообразными нестандартными ситуациями, когда им в рамках своей компетенции необходимо найти правильное решение. Однако административное усмотрение может повлечь злоупотребление правом и субъективизм при принятии решений.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ содержит ряд норм, в соответствии с которыми удовлетворение интересов осужденных ставится в зависимость от усмотрения администрации учреждения. Как отмечается некоторыми авторами: «если в норме сказано, что правоприменитель „может“, а не обязан, то в ней уже заложена коррупционная составляющая»².

¹ Давыдов К. В. Административное усмотрение: ошибки правового регулирования правоприменения (сравнительно-правовой аспект) // Государство и право. 2018. № 7. С. 39–48.

² Агапова Г. Г. Актуальные вопросы борьбы с коррупцией в уголовном праве // Молодой ученый. 2019. № 1. С. 101–103.

Возможность единоличного решения вопросов, затрагивающих права осужденных, позволяет принимать меры без учета объективных факторов. В связи с чем полагаем необходимо совершенствование норм уголовного-исполнительного законодательства.

Таким образом, законодателю необходимо уточнить пределы административного усмотрения в уголовно-исправительных учреждениях, а также свести к минимуму субъективизм администрации при принятии решений. Административное усмотрение является необходимым юридическим средством, которое позволяет достичь целей уголовного-исполнительного законодательства. При этом оно должно применяться исключительно при условии, когда его невозможно исключить и с учетом всех объективных факторов.

С. А. Шерстюков

(Краснодарский университет МВД России)

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Представляя прямую угрозу конституционному строю, экстремизм превратился за достаточно короткий срок в одну из основных проблем в современной России. Проявления экстремизма достаточно многообразны — от возбуждения гражданской вражды или ненависти до функционирования многочисленных незаконных вооруженных формирований, ставящих перед собой цели изменения конституционного строя России и нарушения ее территориальной целостности.

В уголовно-правовой доктрине представлено множество авторских позиций относительно понимания юридической сущности преступлений экстремистской направленности¹. Несмотря на содержащееся в примечании к ст. 282¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее —

¹ Дьяков С. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. СПб., 2012. С. 36 ; Рясов Д. А. Уголовно-правовая характеристика преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства : учеб. пособие. Краснодар, 2019. С. 27 ; Хлебушкин А. Г. Преступления экстремистской направленности в системе посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации: вопросы квалификации и судебная практика. М., 2015. С. 28.

УК РФ) определение преступлений экстремистской направленности, положенный в его основу признак — мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы — получает неоднозначную оценку как в уголовно-правовой доктрине, так и в следственно-судебной практике. Содержание данного признака вытекает из основного объекта преступлений экстремистской направленности, а именно общественных отношений, возникающих в связи с охраной основ конституционного строя и безопасности государства. Его определение позволяет установить экстремистскую направленность преступлений, предусмотренных большинством глав Особенной части УК РФ, более того, дает возможность признания преступлений экстремистскими на стадии назначения наказания по признаку, содержащемуся в п. «е» ст. 63 УК РФ.

Повышает степень общественной опасности преступлений экстремистской направленности использование средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Использование такого способа при осуществлении призывов является квалифицирующим признаком большинства рассматриваемых преступлений.

В целях вовлечения в противоправную деятельность новых участников и расширения пособнической базы, лидеры и идеологи международных экстремистских организаций (далее — МЭО) наращивают пропаганду экстремистской идеологии в молодежной среде, в том числе с использованием современных информационных технологий. На экстремистских интернет-сайтах регулярно размещаются аудио- и видеоматериалы, содержащие комментарии с оправданием экстремизма, направленные на разжигание межэтнической и межконфессиональной вражды.

Использование высоких технологий существенно упрощает совершение самых разных преступлений, в том числе экстремистской направленности. Деятельность киберпреступников, часто поддерживаемых специалистами иностранных государств, показывает их опасность и уровень технической оснащенности. При этом следует учитывать высокую латентность киберпреступлений. Лицо, в отношении которого совершается или было совершено киберпреступление, не всегда своевременно узнает об этом, а также не всегда обращается в правоохранительные органы. Нередко киберпреступлением причиняется минимальный ущерб, и его смысл состоит в массовости посягательств. Кроме того, разглашение информации о том, что лицо стало жертвой киберпреступления, иногда влечет для него экономические и репутационные риски.

В целях повышения эффективности информационного противодействия экстремистской идеологии важное значение приобретают такие направления деятельности, как:

- осуществление мониторинга сети Интернет и средств массовой информации в целях выявления и пресечения деятельности лиц, осуществляющих распространение экстремистских материалов;

- обеспечение ограничения доступа к ресурсам сети Интернет, признанным в судебном порядке экстремистскими;

- выявление в сети Интернет ресурсов с информацией экстремистского характера, не включенных в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ, сбор и подготовка материалов для их блокировки;

- организация проведения информационно-пропагандистских и контрпропагандистских мероприятий в рамках кампании по информационному противодействию экстремистской деятельности на территории оперативного обслуживания.

Совершение преступлений с использованием интернет-пространства является закономерным явлением современного общества, свидетельствующим о закреплении этой тенденции эволюции преступного поведения и необходимости соответствующей адаптации к ней правоохранительной системы.

Е. С. Щербинин

(Барнаульский юридический институт МВД России)

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 299 УК РФ

В соответствии с действующим законодательством в Российской Федерации в равной мере гарантируется защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Именно эти два направления названы основным назначением уголовного судопроизводства в соответствии со ст. 6 УПК РФ¹.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 18.02.2020). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.03.2020).

Основным уголовно-правовым средством противодействия незаконному уголовному преследованию, т.е. деянию, посягающему на нарушение реализации назначения уголовного судопроизводства, является ст. 299 УК РФ «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела».

Из законодательной формулировки данной статьи мы видим, что ключевым понятием, подлежащим толкованию, выступает «привлечение к уголовной ответственности». Обозначенное понятие имеет существенное значение для уголовно-правовой характеристики составов преступлений, предусмотренных чч. 1 и 2 ст. 299 УК РФ, а в особенности для определения круга субъектов и момента, с которого преступление будет считаться оконченным.

Вместе с тем законодательного определения понятия «привлечение к уголовной ответственности» ни в уголовном, ни в уголовно-процессуальном законе не предусмотрено, как не установлен ни начальный, ни конечный момент такого привлечения.

В теории уголовного права выработано определение уголовной ответственности, согласно которому она представляет собой сложное социально-правовое последствие совершения преступления, которое включает четыре элемента: обязанность лица дать отчет в содеянном перед государством; отрицательная оценка совершенного деяния и порицание лица, совершившего это деяние; назначенное виновному наказание или иная мера уголовно-правового характера; судимость как специфическое правовое последствие осуждения с отбыванием назначенного наказания².

На основе указанного определения можно выдвинуть гипотезу о том, что лицо может считаться привлеченным к уголовной ответственности лишь по результатам рассмотрения уголовного дела судом, так как в соответствии с ч. 1 ст. 49 Конституции РФ «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Вместе с тем прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям возможно и на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, что позволяет предположить, что привлечение к уголовной ответственности возможно и до рассмотрения уголовного дела судом.

Ряд авторов придерживаются позиции, что преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 299 УК РФ, считается оконченным с момента вынесения

² Уголовное право России: Части Общая и Особенная : учебник для бакалавров / отв. ред. А.И. Рарог. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 50.

постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого; вынесения обвинительного акта; составления обвинительного постановления. Аргументируя свою точку зрения, ученые отмечают, что именно с этого момента лицо становится обвиняемым и его процессуальное положение качественно меняется, в частности, к нему могут быть применены формы процессуального принуждения³.

Следует обратить внимание и на требования, предъявляемые УПК РФ к содержанию обвинительного акта: в п. 3 ч. 1 ст. 225 говорится, что в обвинительном акте указываются данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности. Предложенная законодателем формулировка позволяет нам сделать вывод о том, что законодатель увязывает привлечение к уголовной ответственности именно с моментом предъявления обвинения при производстве дознания.

Подтверждением того, что ст. 299 УК РФ относится к деянию, развившемуся в незаконном привлечении к уголовной ответственности именно на стадии предварительного расследования, а не на последующих стадиях уголовного процесса, относящихся к судебному рассмотрению уголовного дела, является существование отдельной нормы УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ).

Существует и иное мнение, согласно которому преступление, предусмотренное ст. 299 УК РФ, может быть окончено еще на более раннем этапе расследования уголовного дела, а именно с момента фактического применения к заведомо невиновному мер уголовно-процессуального принуждения⁴. При этом выносится предложение о необходимости изменения названия и диспозиции ст. 299 УК РФ следующим образом: «Уголовное преследование заведомо невиновного». Однако в вопросе об определении понятия «привлечение к уголовной ответственности», которое используется в действующем УК РФ, данный подход к определению момента окончания рассматриваемого преступления не может быть использован, так как понятия «уголовное преследование» и «привлечение к уголовной ответственности» не совпадают по своему содержанию.

Таким образом, проведенный анализ норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также положений теории уголовного права позволяет сделать вывод, что в контексте ст. 299 УК РФ под привле-

³ Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. М., 2008. С. 308 ; Лозовицкая Г.П. Научно-практический комментарий к главе 31 УК РФ (Преступления против правосудия). М., 2009. С. 24.

⁴ Байсалуева Э.Ф. Преступления против правосудия, совершаемые лицами, осуществляющими предварительное расследование : монография. Тюмень, 2018. С. 62.

чением к уголовной ответственности понимается процессуальная деятельность следователя или дознавателя, заключающаяся в вынесении процессуального решения досудебного производства, утверждающего совершение определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом.

Ж. Энхтур

(Омская академия МВД России)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОРЯДКА ИСПОЛНЕНИЯ ШТРАФА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ МОНГОЛИИ

Назначение и исполнение уголовного наказания в виде штрафа имеет недостаточную теоретическую разработку в действующем уголовно-исполнительном праве Монголии, что неминуемо ведет к вынесению противоречивых решений, ошибкам в судебной практике, вынесению несправедливых приговоров.

Для преодоления всех этих проблем необходимо дальнейшее совершенствование уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации и Монголии, а также повышение эффективности деятельности органов исполнения наказания по исполнению наказания в виде штрафа.

Существуют серьезные затруднения для применения штрафа как вида уголовного наказания в России и Монголии. Это прежде всего связано с недостаточностью материальных и денежных ресурсов, большим количеством лиц, виновных в совершении преступления (трудности дифференциации штрафов в зависимости от уровня благосостояния граждан)¹.

В судебной практике применение штрафа должно расширяться, потому что такие репрессивные виды уголовного наказания, как лишение свободы, не всегда эффективны в борьбе с преступностью. Помещение осужденного в места лишения свободы, безусловно, укрепляет его связи с преступной средой, что не способствует исправлению и предупреждению совершения им новых преступлений².

¹ Модестова Н. Г. Проблемы законодательного закрепления и правового регулирования назначения и исполнения уголовного наказания в виде штрафа в России и Франции : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2015. С. 67.

² Агнатов Б. Х. Штраф как вид наказания по действующему законодательству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. С. 14.

В Монголии 1 июля 2017 г. был введен в действие новый Уголовный кодекс. В части 1 ст. 5.3 действующего УК Монголии штраф определяется как «возложение денежного взыскания на лицо, совершившее преступление, в размере, равном штрафной единице, предусмотренной Особенной частью настоящего Кодекса» и устанавливается в тугриках в размере от ста до сорока тысяч единиц³.

Автор предлагает ч. 1. ст. 5.3 УК Монголии изложить в следующей редакции: «Штраф есть возложение денежного взыскания, за совершение преступления физическим или юридическим лицом в размере, равном штрафной единице (далее — единицы), предусмотренной Уголовным кодексом».

В содержании ч. 2 ст. 5.2 УК Монголии кроме характеристики понятия и размера штрафа имеется положение о порядке его назначения. В настоящее время не учитывается имущественное положение осужденного и его семьи, а также возможность получения осужденным заработной платы или иного дохода. Здесь определено, что «размер штрафа устанавливается в тугриках в размере от 100 до 40 тыс. единиц». Автор считает, что целесообразно сформулировать следующим образом: «Размер штрафа определяется судом в тугриках в размере от 100 до 40 тыс. единиц с учетом тяжести совершенного преступления, имущественного положения осужденного и его семьи, а также с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода».

Согласно ч. 2 ст. 161 УИК Монголии штраф, назначенный судом юридическому лицу в качестве основного наказания, в случае его неуплаты невозможно заменить другим видом наказания. Предлагается изложить ч. 2 ст. 161 УИК РФ в следующей редакции: «В отношении осужденного, злостно уклоняющегося от уплаты штрафа, назначенного юридическому лицу в качестве основного наказания, судебный пристав-исполнитель направляет в суд представление о замене штрафа ликвидацией юридического лица».

В случае неуплаты штрафа, назначенного судом, физическим лицом в установленный срок запрещены наложение ареста на имущество физического лица и его реализация (ч. 1. ст. 160 УИК Монголии). Целесообразно данную норму изложить таким образом: «Если осужденный не имеет возможности одновременно уплатить штраф, судебный исполнитель должен исполнить наказание в виде штрафа мерами принудительного исполнения».

³ Уголовный кодекс Монголии / пер. с монг. Батболд Галбадрах, Амурсанаа Вандан-Иш. Омск, 2020.

РАЗДЕЛ III. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС.
КРИМИНАЛИСТИКА.
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ю. А. Андриенко

(Омская академия МВД России)

**БЫСТРОЕ И ПОЛНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Изучение опыта развития тех или иных положений уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран, а также рецепция наиболее эффективных правовых институтов являются неперенными условиями совершенствования отечественного уголовного процесса. Неслучайно среди главных тенденций развития уголовно-процессуального права исследователи отмечают его конвергенцию и гармонизацию¹.

Анализ международных документов, регулирующих сферу уголовного судопроизводства, показал, что положения о быстроте и полноте процесса получили развитие в актах надгосударственных организаций и в законах отдельных стран, построение уголовного судопроизводства которых имеет континентальные традиции.

В целом ряде своих решений Европейский Суд по правам человека указывает: правосудие не должно отпавляться с задержками, способными скомпрометировать его эффективность и правдоподобие; чрезмерная волокита в правосудии представляет серьезную опасность, особенно для

¹ См., напр.: *Курс уголовного процесса* / под ред. Л. В. Головки. М., 2017. С. 182 ; *Сорокина Е. М.* Гармонизация уголовно-процессуального законодательства в Европейском Союзе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 5 ; *Уголовный процесс европейских государств : монография* / под ред. В. И. Самарина, В. В. Луцки. М., 2019. С. 40 ; и др.

правового государства². Важность быстрого и полного исследования обстоятельств преступления неоднократно отмечалась в актах таких международных организаций, как Организация Объединенных Наций и Совет Европы³.

Закрепление положений о скорости и полноте исследования обстоятельств преступления также характерно для уголовно-процессуального законодательства некоторых европейских государств, например, Франции, Германии, Швейцарии, Австрии, а также ряда других.

Так, среди принципов французского уголовного процесса нашло отражение требование о принятии решения по делу в разумный срок, которое включает, помимо прочих, такие основания, как потребность общества в быстром наказании преступников, а также необходимость скорейшего собирания доказательств⁴. Кроме того, ст. 81 УПК Франции предписывает следственному судье производить в соответствии с законом все следственные действия, которые он сочтет необходимыми для выяснения истины, а также устанавливать доказательства не только вины, но и невиновности.

В уголовном процессе Германии выделяются принцип инструкции, по существу, означающий требование выяснения истины, в соответствии с которым прокуратура (а также полиция) должна расследовать не толькоотячающие, но и смягчающие вину обстоятельства, принять меры к сохранению доказательств, которые могут быть потеряны, и принцип ускорения, в соответствии с которым расследование должно быть проведено в кратчайшие сроки⁵.

² Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. СПб., 2004. С. 462, 476, 477 (цит. по: Еникеев З.Д. Международно-правовые основы скорости уголовного судопроизводства и проблемы их реализации в современной России // Международное публичное и частное право. 2010. № 4. С. 16–17).

³ См., напр.: *Руководящие* принципы, касающиеся роли лиц, осуществляющих судебное преследование. Приняты Восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 27 августа — 7 сентября 1990 г.) // АО «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901809403> (дата обращения: 07.03.2020); *Об упрощении* уголовного правосудия : Рекомендация N R (87)18 Комитета Министров Совета Европы от 17 сентября 1987 г. // АО «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/90199470> (дата обращения: 07.03.2020) ; и др.

⁴ Барабанов П. К. Уголовный процесс Франции. М., 2016. С. 75.

⁵ *Уголовный процесс европейских государств* : монография / под ред. В. И. Самарина, В. В. Луцка. М., 2019. С. 102–106.

В азиатском регионе следует обратить внимание на уголовный процесс Китайской Народной Республики, в котором придается большое значение активному проявлению инициативы со стороны следователей по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, определению объективной истины⁶. Так, гл. 1 УПК КНР, устанавливающая руководящую идеологию, задачи и основные принципы уголовного процесса, содержит ст. 2, согласно которой указанный закон призван обеспечить точное и своевременное установление фактов, касающихся преступлений, правильное применение закона, наказание виновных и защиту невиновных при расследовании уголовных дел.

Широкое распространение получило нормативное закрепление положений о быстром и полном исследовании обстоятельств преступления и в действующих уголовно-процессуальных законах государств на постсоветском пространстве, несмотря на то что после распада Союза ССР уголовное судопроизводство этих стран развивалось по-разному. В частности, быстрое и полное раскрытие преступлений (выяснение всех обстоятельств, связанных с уголовным преследованием) отмечается в качестве одной из задач уголовного судопроизводства в УПК Узбекистана, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Белоруссии, Украины.

Таким образом, проведенный анализ показал, что в большинстве стран, уголовно-процессуальное законодательство которых строится в соответствии с континентальной моделью и предполагает полноценную стадию предварительного расследования, одними из требований, предъявляемых к досудебному исследованию обстоятельств преступления, являются его быстрота и полнота, а целью доказывания — установление истины. Поскольку российский уголовный процесс сохраняет смешанную форму континентального типа, вышеизложенные выводы способствуют объективной оценке сущности и значения указанных требований для отечественного уголовного судопроизводства и дают основания к рассмотрению вопроса о необходимости их нормативного закрепления в действующем уголовно-процессуальном законе.

⁶ Лянь Миньянь. Совершенствование системы уголовного судопроизводства Китая // Вестник БГУ. 2015. № 2. С. 173–174.

Т. Б. Гараева

(Омская академия МВД России)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВРЕМЕННОГО ОТСТРАНЕНИЯ ОТ ДОЛЖНОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Мера уголовно-процессуального принуждения, заключающаяся во временном отстранении от должности ввиду необходимости ограничения конституционных прав личности, представляет значительный интерес. Прежде всего затрагивается закрепленное в ст. 37 Конституции РФ право человека на труд. Анализ правоприменительной практики показал, что временное отстранение от должности применяется нечасто: за 2019 г. было подано всего 380 ходатайств, из которых удовлетворено 278, а отказано только в 68 случаях¹.

При определении оснований временного отстранения от должности следует обратить внимание на то, что законодатель использует понятие «необходимость» (ч. 1 ст. 114 УПК РФ). Анализируя данный аспект, Н. В. Ткачева приходит к выводу, что временное отстранение от должности должно применяться лишь при обоснованном предположении о том, что при исполнении лицом своих должностных обязанностей оно может совершить новое общественно опасное деяния, воспрепятствовать установлению истины по делу, а также если есть необходимость исполнения возможного наказания в виде лишения права заниматься определенным видом деятельности².

А. В. Смирнов пришел к выводу, что данная мера принуждения является превентивно-обеспечительной, цель которой — предупреждение попыток лица воспрепятствовать производству по делу или исполнению приговора³. По мнению В. В. Вандышева, временное отстранение от должности представляет собой запрет на выполнение должностным лицом своих функциональных обязанностей⁴.

¹ Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4151> (дата обращения: 07.02.2020).

² Ткачева Н. В. Сущность иных мер процессуального принуждения // Вестник ЮУГУ «Право». 2007. № 9. С. 57.

³ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. В. Смирнова. СПб., 2009. С. 89.

⁴ Вандышев В. В. Уголовный процесс : конспект лекций. СПб., 2002. С. 109.

Несмотря на то что законодатель в ч. 1 ст. 114 УПК РФ основания временного отстранения от должности сформулировал весьма лаконично, системное толкование норм, анализ представленных в юридической литературе взглядов позволили выработать определенный подход в этом направлении. Он предполагает возможность применения временного отстранения от должности лишь при наличии достаточных оснований полагать, что подозреваемый или обвиняемый, оставаясь на занимаемой им должности, продолжит преступную деятельность, будет угрожать участникам уголовного судопроизводства или другим способом воздействовать на них с целью добиться определенных действий или решений, сможет уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Характеризуя субъектный состав применения рассматриваемой меры принуждения, нельзя не обратить внимание на то, что лицо может быть временно отстранено от осуществления трудовой деятельности, независимо от того, является ли оно должностным лицом или осуществляет иную деятельность. Таким образом, рассматриваемая мера принуждения должна применяться не только в отношении должностных лиц, но и иных лиц, которые выполняют определенные трудовые функции, а также высших должностных лиц субъектов РФ (ч. 5 ст. 114 УПК РФ).

Формальным основанием временного отстранения от должности является постановление суда, в основе которого лежит мотивировка ходатайства следователя или дознавателя. Мотивировочная часть ходатайства содержит совокупность обстоятельств, которые будут указывать на необходимость реализации временного отстранения от должности. Они включают в себя трудовую деятельность подозреваемого или обвиняемого и возможность воздействовать на ход предварительного расследования. На принятие решения могут повлиять следующие факторы:

- преступление совершено по месту работы лица;
- преступление связано с деятельностью предприятия или учреждения, в котором лицо непосредственно осуществляет свою трудовую деятельность;
- более одного из участников уголовного процесса являются коллегами или подчиненными (такая связь должна быть непосредственно между обвиняемым (подозреваемым) и свидетелем);
- имеется возможность скрыть или уничтожить доказательства, необходимые в ходе проведения следствия;

— имеется возможность препятствовать сбору, проверке и оценке доказательств.

Законодатель не установил период, в течение которого действует отстранение от должности. Из рассмотренной нами судебной практики следует, что судами наиболее часто указывается в постановлении сам факт удовлетворения ходатайства о временном отстранении от должности либо о вынесении решения о применении меры принуждения, а срок при этом не указывается⁵.

В юридической литературе вносились предложения об установлении конкретного срока применяемой меры принуждения, связывалась эта необходимость с ограничением конституционных прав лица, чья вина не доказана⁶. Так, О.В. Баландюк считает, что такое новшество будет способствовать качественным изменениям. При рассмотрении вопроса судом будет одновременно оцениваться и целесообразность сохранения установленных ранее ограничений⁷.

Таким образом, предусмотренная в ст. 114 УПК РФ нормативная регламентация порядка применения временного отстранения от должности подозреваемого или обвиняемого нуждается в совершенствовании. Имеется насущная потребность в решении ряда вопросов процедурного характера. С учетом необходимости ограничения конституционных прав личности определенный круг проблем требует законодательного разрешения.

⁵ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 26.01.2017 г. по делу № 33-719/2017.

⁶ Бикмиев Р.Г. Сроки применения меры процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности // Вестник ТИСБИ. 2012. № 3. С. 167–173.

⁷ Баландюк О.В. Временное отстранение от должности: вопросы применения в уголовном процессе // Российский следователь. 2016. № 16. С. 23.

⁷ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя : федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Е. В. Горчакова

(Дальневосточный юридический институт МВД России)

ДОЛЖНОСТНОЙ РЕГЛАМЕНТ (ДОЛЖНОСТНАЯ ИНСТРУКЦИЯ) КАК СПОСОБ ДЕЛЕГИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ В ОРГАНАХ ДОЗНАНИЯ МВД РОССИИ НА УРОВНЕ РАЙОНА

Согласно ч. 1 ст. 40 УПК РФ к органам дознания относятся органы внутренних дел Российской Федерации и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные управления (отделы, отделения, пункты) полиции. Руководство территориальным органом МВД России на основе единоначалия осуществляет начальник, которого законодатель в ст. 40² УПК РФ наделил уголовно-процессуальными полномочиями органа дознания. В части 3 ст. 40² УПК РФ законодатель полномочия начальника органа дознания предоставил также заместителям начальника полиции¹.

Исходя из содержания ч. 1 ст. 40, ст. 40² УПК РФ, на районном уровне полномочия начальника органа дознания предоставлены территориальному органу МВД России и входящему в его состав органу полиции. В территориальном органе МВД России по району полномочиями органа дознания наделен начальник органа внутренних дел, а в органе полиции — начальник отдела, отделения, пункта полиции. Полномочиями начальника органа дознания на районном уровне наделены также заместители начальника полиции (ч. 3 ст. 40² УПК РФ) по оперативной работе и охране общественного порядка².

Начальник органа внутренних дел вправе делегировать свои полномочия органа дознания своему заместителю, подчиненным ему должностным лицам органов внутренних дел и входящим в их состав должностным лицам органов полиции. Одним из способов делегирования уголовно-процессуальных полномочий является должностной регламент (должностная инструкция), который в ОВД разрабатывается для

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя : федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России : приказ МВД России от 30 апреля 2011 г. № 333. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

каждого сотрудника руководителем соответствующего подразделения и утверждается начальником ОВД³. Посредством должностной инструкции уголовно-процессуальные полномочия начальника органа внутренних дел делегируются начальнику полиции, его заместителям, а также начальнику подразделения дознания и дознавателям ОВД.

Анализ должностных регламентов (должностных инструкций) начальника полиции, его заместителей по охране общественного порядка и оперативной работе показал, что в них не содержатся уголовно-процессуальные полномочия органа дознания⁴. На практике начальник полиции и его заместители осуществляют контроль за уголовно-процессуальной деятельностью подчиненных им сотрудников.

Заместитель начальника полиции по оперативной работе осуществляет непосредственный контроль за уголовно-процессуальной деятельностью оперуполномоченных уголовного розыска (группа по тяжким и особо тяжким преступлениям, группа по розыску без вести пропавших, группа по оперативно-розыскной работе в сфере имущественных преступлений и др.), осуществляемой по его поручению. В свою очередь заместитель начальника полиции по охране общественного порядка осуществляет контроль за уголовно-процессуальной деятельностью участковых уполномоченных, дознавателей отдела дознания и других должностных лиц, участвующих по его поручению в уголовно-процессуальной деятельности.

Вместе с тем должностные регламенты (должностные инструкции) начальника подразделения дознания, дознавателей ОВД отражают действующее уголовно-процессуальное законодательство. Начальником органа дознания на районном уровне им делегированы полномочия по проведению проверки сообщений о преступлениях, расследовании преступлений в форме дознания, проведения иных процессуальных действий.

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод, что в настоящее время должностные регламенты (должностные инструкции) начальника полиции и его заместителей на районном уровне не отражают действующего уголовно-процессуального законодательства, не содержат полномочий начальника органа дознания, поэтому нуждаются в доработке и приведении их в соответствие с требованиями УПК РФ.

³ Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Анализ должностных регламентов (должностных инструкций) проводился в территориальных органах УМВД России по Хабаровскому краю на районном уровне в 2020 г.

В. Е. Дивольд

(Омская академия МВД России)

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ БИОМЕТРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ

В последние годы результаты исследований в различных областях науки позволили реализовать идеи автоматизированных методов изучения и регистрации биологических признаков человека в целях его идентификации. Несомненно, технологии биометрической идентификации личности являются неотъемлемой частью мирового рынка информационных технологий и становятся важным инструментом для решения широкого круга задач как правоохранительной деятельности, так и таких, как защита электронных банковских операций, электронной коммерции, обеспечение безопасности и охраны зданий, обеспечение информационной безопасности. Очевидно, что растущая популярность биометрических технологий связана с тем, что они могут служить эффективной альтернативой пластиковой карты или документа, удостоверяющего личность. Биометрические данные всегда при индивиде и позволяют в любой момент идентифицировать его по присущим только ему биологическим признакам и особенностям.

Несмотря на то что сегодня имеется большое количество алгоритмов биометрического распознавания человека, активное внедрение таких технологий в правоохранительную деятельность сдерживается наличием проблем финансового, технического, организационного, правового характера. Анализ различных источников¹ и результаты собственного исследования позволяют к таковым отнести следующие. Во-первых, не-универсальность любой отдельно взятой биометрической технологии. Данная проблема может возникнуть при попытке применения такой технологии к людям, имеющим физические недостатки. Во-вторых, вероятность обмана конкретной системы. Кроме того, считаем целесообразным упомянуть такие недостатки, как вероятность ложного совпадения биометрических характеристик, а также отказа при совпадении биометриче-

¹ Барковская Е. Г. Интеграция положений биометрии в деятельность по раскрытию и расследованию преступлений: технические и правовые проблемы // Юристъ-Правоведъ. 2010. № 6. С. 10–13 ; Саркисян Г. Г. Особенности формирования единого информационного пространства государственных органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности (на примере ПДОДИ ОБСЕ) // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 3. С. 160–165.

ских характеристик. Выходом в данном случае, на наш взгляд, является комплексное применение сразу нескольких биометрических технологий, что приведет к снижению или даже невозможности подделки биометрических данных, уменьшению количества людей, в отношении которых невозможно применить биометрические технологии, а также в целом к увеличению надежности идентификационной системы. Отдельно следует отметить проблему несовершенства правового обеспечения использования биометрических технологий.

В настоящее время федеральные законы от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» и от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»² регламентируют лишь некоторые особенности использования биометрических данных, оставляя без внимания фундаментальные понятия. Поэтому правовой базой использования биометрии, по нашему мнению, должен стать документ, выражающий центральную идею системы биометрической идентификации, единую методику трактовки биометрических терминов и понятий, комплекс взглядов, образующих взаимосвязанную систему, а также набор принципов, изложение целей и задач, на основе которых определяется вектор построения и развития национальной биометрической системы идентификации в Российской Федерации. Создание такой системы должно позволить осуществлять автоматизированную идентификацию человека при помощи как статических методов, базирующихся на его физиологической характеристике, так и динамических методов, основывающихся на поведенческой характеристике человека.

В качестве такого документа предлагается рассматривать Концепцию национальной системы биометрической идентификации личности, проект которой в настоящее время разработан авторским коллективом Омской академии МВД России и направлен на согласование в МВД России. В данном проекте национальная система биометрической идентификации личности в Российской Федерации определяется как совокупность правовых, организационных и технических средств и ресурсов государственных и муниципальных органов, негосударственных организаций, объединенных в целях сбора, хранения и использования биометрической информации для обеспечения интересов личности, общества и государства. В нем рассматриваются сферы действия, цели, условия, принципы создания и функционирования, структура, субъекты, этапы создания, требования к обеспечению информационной безопасности данной системы в процессе сбора, хранения, обработки и использова-

² Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ния биометрической информации. Проект Концепции предусматривает деление системы на два сегмента, предназначенные соответственно для обеспечения безопасности личности, общества и государства, т. е. правоохранительный сегмент и сегмент для обеспечения гражданской сферы. В документе отражен комплекс взглядов авторов, реализующих баланс интересов государства и прав личности.

Согласно положениям подготовленной нами Концепции взаимодействия в рамках национальной системы биометрической идентификации личности, а также информационных систем органов государственной власти, обрабатывающих биометрическую информацию посредством использования единой системы межведомственного электронного взаимодействия, помимо централизации и объединения имеющейся информации, позволит устанавливать корреляционные связи между объектами различных видов биометрических учетов, что в свою очередь поднимет информационное обеспечение процесса раскрытия и расследования преступлений на новый качественный уровень путем оперативного получения сотрудниками органов государственной власти точной и достоверной информации в режиме реального времени.

Создание и функционирование национальной системы биометрической идентификации личности будет способствовать повышению уровня информационно-аналитического обеспечения деятельности органов государственной власти, достижению безопасности граждан за счет расширения возможностей по оперативной идентификации личности, а также удовлетворенности граждан Российской Федерации при предоставлении им финансовых услуг.

В заключение считаем необходимым отметить, что динамика развития и внедрения в жизнь современного общества научно-технологических достижений в области идентификации личности, законодательные инициативы по расширению перечня лиц, подлежащих биометрической регистрации, возрастание угроз национальной безопасности, современная мировая тенденция к стремительному расширению биометрических баз данных и развитию биометрических технологий не оставляют сомнений в целесообразности создания и комплексного развития в Российской Федерации национальной системы биометрической идентификации личности.

Е. Ю. Дорош

(Омская академия МВД России)

ПРИНУЖДЕНИЕ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» определяет, что оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД) является видом деятельности, которая осуществляется гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то федеральным законом, в пределах их полномочий, посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств¹. При этом необходимо отметить, что указанная деятельность относится к правоохранительной, что позволяет рассматривать ее как деятельность, осуществляемую в установленном законом порядке специально уполномоченными государством органами по охране прав граждан от нарушений и обеспеченную мерами принудительного характера². Таким образом, рассматривая признаки, присущие правоохранительной деятельности, следует подчеркнуть, что она связана с применением законных мер государственного принуждения.

На сегодняшний день в юридической науке существуют различные подходы к понятию государственного принуждения. Не вдаваясь в глубокие рассуждения, согласимся с позицией В.К. Бабаева, который определяет, что государственное принуждение представляет собой осуществляемое на основе закона государственными органами, иными уполномоченными на то организациями, должностными лицами физическое, психическое, имущественное или организационное принуждение в целях соблюдения и исполнения правовых предписаний³.

Таким образом, государственное принуждение прежде всего характеризуется урегулированностью прав, представляющим нормативную

¹ *Об оперативно-розыскной деятельности* : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 2 августа 2019 г. № 311-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33, ст. 3349.

² *Правоохранительные органы* : учебник. М, 2007. С. 19–20.

³ *Право и государственное принуждение* // Теория государства и права : учебник / под ред. В.К. Бабаева. М., 1999. С. 207.

основу данного вида принудительного воздействия⁴. При этом в действующем законодательстве в сфере ОРД, а также в ведомственных нормативных правовых актах не регламентированы права оперативно-розыскных органов и их должностных лиц по применению мер принуждения при проведении ОРМ. Несмотря на это, принуждение в ОРД — объективная необходимость, возникающая при реализации своих полномочий соответствующими государственными органами⁵.

Анализ деятельности оперативных подразделений ОВД показывает, что применение мер принуждения часто является единственным способом эффективного проведения оперативно-розыскного мероприятия, решения той или иной задачи ОРД и уголовного судопроизводства в последующем. В отсутствие законодательного регулирования принуждения в ОРД оперативные сотрудники вынуждены использовать устоявшуюся практику применения мер обеспечения подготовки и проведения ОРМ, таких как задержание (удержание), доставление, личный досмотр, изъятие, проникновение, блокирование участков местности и др. (например, задержание и личный досмотр в ходе проведения ОРМ «проверочная закупка», «оперативный эксперимент»). Подобная практика нередко приводит к нарушениям прав и свобод человека и гражданина, влечет иные негативные последствия в виде признания недопустимости доказательств, полученных в ходе проведенных ОРМ, и, как следствие, привлечение сотрудников оперативных подразделений к ответственности, в том числе уголовной. Таким образом, несмотря на законодательную неурегулированность, оперативно-розыскное принуждение существует и имеет специфические черты, которые обусловлены сущностью ОРД.

В научной среде не прекращаются споры вокруг применения мер принуждения при проведении ОРМ. Так, по мнению ряда ученых (Б. Т. Безлепкина, А. В. Смирнова), ОРД не предполагает государственного принуждения ввиду отсутствия его законодательного регулирования. Вместе с тем большинство специалистов (В. А. Гусев, Л. А. Бакланов, А. А. Шмидт и ряд других), а также сотрудников оперативных подразделений высказываются за необходимость законодательного регулирования мер принуждения при осуществлении ОРМ. По мнению Б. Б. Булатова, использование мер государственного принуждения при проведении оперативно-розыскных мероприятиях возможно, но при этом необходима детальная проработка процедуры процессуальной формы осуществления принудительных

⁴ Кудин Ф. М. Принуждение в уголовном судопроизводстве. Красноярск, 1987. С. 7.

⁵ Гусев В. А. «Параллельная реальность» принуждения в оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2015. № 3. С. 39–44.

мер в рамках оперативно-розыскной деятельности, закрепление их в законодательстве и согласование с уголовно-процессуальным законом⁶. Необходимо отметить, что в последнее время не прекращаются попытки поменять ситуацию путем внесения соответствующих изменений в законодательство. Так, заслуживает внимания авторский проект оперативно-розыскного кодекса В. Ф. Луговика, в котором отдельная глава посвящена мерам обеспечения оперативно-розыскного производства, где предлагается ввести в оперативно-розыскное право меры проведения ОРМ, процедуру их применения, т. е. предусмотреть меры принуждения⁷.

Таким образом, необходимы дальнейшее осмысление принуждения при проведении ОРМ, разработка понятия принуждения в оперативно-розыскной деятельности, установление его признаков, видов, задач, целей, субъектов для последующего внесения предложений по изменению и дополнению законодательства Российской Федерации, а также ведомственных правовых актов, регламентирующих оперативно-розыскную деятельность.

Д. В. Зенькин

(Омская академия МВД России)

ГАРАНТИИ СОБЛЮДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОПЕРАТИВНОГО УЧЕТА

В соответствии с Конституцией РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанностью государства в лице специально уполномоченных должностных лиц¹.

Ключевой гарантией соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина при оперативно-розыском производстве по де-

⁶ Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: монография. Омск, 2003. С. 238–240.

⁷ Луговик В. Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации : авторский проект. Омск, 2014. С. 54–59.

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лам оперативного учета (далее — ДОУ) являются принципы, закрепленные в ст. 3 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»² (далее — ФЗ «Об ОРД»), к которым относятся конституционные принципы законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в совокупности со ст. 5 ФЗ «Об ОРД», которая регламентирует их соблюдение при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), а также обязанность органов, осуществляющих ОРД, закрепленная в ч. 1 ст. 14 ФЗ «Об ОРД», принимать в пределах своих полномочий все необходимые меры по защите конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Производство по ДОУ регламентировано ст. 10 ФЗ «Об ОРД», где определено, что ДОУ заводятся в целях собирания и систематизации сведений, проверки и оценки результатов ОРД, а также принятия на их основе соответствующих решений. Таким образом, ДОУ служат накопителями документов оперативно-розыскного производства, которые содержат сведения, послужившие основанием для проведения ОРМ, и результаты этих мероприятий. Согласно ч. 3 ст. 10 ФЗ «Об ОРД» факт заведения ДОУ, во-первых, не является основанием для ограничения конституционных прав и свобод, а также законных интересов человека и гражданина, во-вторых, не ограничивает законные интересы конкретного лица. При этом ОРМ, проводимые в рамках ДОУ, ограничивающие конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и право на неприкосновенность жилища, могут осуществляться только по решению суда. Как справедливо отмечает С.М. Ховавко, тенденцией законодательной практики в последние годы стало активное внедрение в оперативно-розыскное законодательство правовых норм, гарантирующих соблюдение прав и свобод человека и гражданина при проведении ОРМ, на основании судебного решения³.

Отдельной гарантией можно считать ведомственный контроль при производстве по делам оперативного учета, который представляет собой осуществляемое руководителями оперативно-розыскных органов наблюдение за деятельностью подчиненных сотрудников в целях проверки исполнения и проведения ОРД в соответствии с нормами права. Эффек-

² Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Ховавко С.М. Правовые гарантии соблюдения конституционных прав человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Общество и право. 2016. № 4(58). С. 131–136.

тивностью ведомственного контроля является то, что он осуществляется на всех стадиях производства по делу оперативного ДООУ с момента его заведения, планирования и проведения ОРМ, до окончания производства по делу. При этом контроль происходит непрерывно, методом сплошного наблюдения. Такой контроль включает проверку исполнения в ОРД требований не только законов, но и подзаконных, ведомственных нормативных правовых актов. Кроме того, А.И. Алексеев верно дополняет, что контрольные функции как элемент управления могут по поручению руководителя органа осуществляться должностными лицами, не входящими в штат оперативных подразделений, а специализирующимися по линии ведомственного контроля (сотрудниками аппарата главы ведомства, организационно-инспекторских подразделений, инспекций по личному составу, служб собственной безопасности)⁴.

Следующей гарантией является прокурорский надзор. Наряду со ст. 21 ФЗ «Об ОРД» надзор регулируется рядом других нормативных правовых актов, и прежде всего Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации»⁵. Надзор за ОРД осуществляется Генеральным прокурором РФ и уполномоченными им прокурорами. Такой надзор обеспечивает верховенство закона, укрепление законности, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства при осуществлении ОРД путем предупреждения, выявления и устранения нарушений закона, восстановления нарушенных прав и привлечения виновных к ответственности. В том числе к предмету надзора относятся вопросы законности заведения и прекращения дел оперативного учета, соблюдения правил их регистрации, постановления на оперативный учет и снятия с учета лиц, в отношении которых проводятся ОРМ.

И безусловно, важнейшей гарантией соблюдения конституционных прав и свобод при производстве по делам оперативного учета является предусмотренное ч. 3 ст. 5 ФЗ «Об ОРД» право лиц, в отношении которых проводились ОРМ в рамках ДООУ, обжаловать действия органов, осуществляющих ОРД, как в вышестоящий орган, так и в прокуратуру или суд. Кроме того, на основании ч. 7 ст. 5 ФЗ «Об ОРД» определен срок хранения оперативно-розыскных материалов, полученных в результате ОРМ

⁴ Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Алексеева и засл. юриста РФ, д-ра юрид. наук В. С. Овчинского. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в отношении лиц, виновность которых не доказана. В соответствии с ч. 4 ст. 5 ФЗ «Об ОРД» лицо, признанное невиновным, располагающее информацией о проведении в отношении него ОРМ и полагающее, что его права были нарушены, имеет право потребовать ознакомиться с полученными в отношении него сведениями. Вместе с тем законодатель в ч. 6 ст. 5 ФЗ «Об ОРД» предусмотрел норму, определяющую основу процессуального механизма восстановления нарушенных прав и возмещения вреда.

С. С. Ильиных

(Омская академия МВД России)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА РУКОВОДИТЕЛЯ ОПЕРАТИВНОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ОРГАНА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Правовое регулирование статуса руководителя оперативного подразделения органа внутренних дел как участника оперативно-розыскной деятельности осуществляется на основании комплекса правовых актов различной юридической силы, которые можно разделить на определенные группы.

Первую группу составляют нормативные положения различных отраслей российского права (конституционного, уголовно-процессуального, уголовного и др.), содержащие общие основы правового регулирования статуса руководителя подразделения органа внутренних дел при осуществлении ОРД. Так, в нормах Конституции РФ (ст.ст. 17–64) хотя и не содержатся нормы, имеющие прямое отношение к оперативно-розыскной деятельности, но так или иначе закреплены базовые истоки осуществления ОРД (права и свободы человека и гражданина, подлежащие защите и охране со стороны всех органов государственной власти).

В нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации закрепляются требования к доказательствам и доказыванию, полученным в результате осуществления ОРД (раздел III); субъектный состав участников уголовного судопроизводства (глава 6 раздела II) и т. д.

В рамках данной группы правовых актов необходимо также называть некоторые федеральные законы: Федеральный закон от 12 августа

1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹, Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне»² и др.

Вторая группа правовых актов, регулирующая статус руководителя оперативного подразделения органа внутренних дел, представлена подзаконными актами представительных органов власти, а также ведомственными актами МВД России. В нормативных документах данной группы закреплены вопросы борьбы с преступными посягательствами и осуществления органами внутренних дел ОРД (например, приказ МВД России от 19 июня 2012 г. № 608 «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России»³).

Таким образом, под правовым регулированием статуса руководителя оперативного подразделения органа внутренних дел при осуществлении ОРД необходимо понимать научно сформированную систему нормативных положений, закрепленных в федеральных законах и правовых актах подзаконного уровня, в которых содержатся предпосылки, основания и условия осуществления ОРД, организационные, правовые и тактические вопросы реализации предоставленных полномочий.

Анализ положений правовых документов, регламентирующих основы деятельности различных оперативных подразделений органов внутренних дел (приказ МВД России от 11 июля 2011 г. № 823 «Об утверждении Положения о Главном управлении уголовного розыска Министерства внутренних дел Российской Федерации»⁴, приказ МВД РФ от 16 марта 2015 г. № 340⁵ «Об утверждении положения о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации», приказ МВД России от 23 апреля 2016 г. № 209 «Об утверждении Положения о Главном управлении по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел Российской

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33, ст. 3349.

² О государственной тайне : закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (с изм. и доп.) // Там же. 1997. № 41, ст. 8220–8235.

³ О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России : приказ МВД России от 19 июня 2012 г. № 608. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об утверждении Положения о Главном управлении уголовного розыска Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 11 июля 2011 г. № 823. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Об утверждении Положения о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД РФ от 16 марта 2015 г. № 340. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Федерации»⁶⁾ показал, что статус руководителя оперативного подразделения не определен и данное обстоятельство может создавать проблемы в осуществлении централизованной оперативной деятельности.

С учетом сказанного представляется, что деятельность руководителя оперативного подразделения органа внутренних дел как участника оперативно-розыскной деятельности является составной частью ОРД, направлена на реализацию организационных и тактических задач и имеет общую правовую основу с оперативно-розыскной деятельностью в целом. В то же время в обозначенных нормативных актах не закреплён статус руководителя оперативного подразделения органа внутренних дел при осуществлении ОРД.

Таким образом, в действующем российском законодательстве отсутствует исчерпывающее правовое регулирование статуса руководителя оперативного подразделения органа внутренних дел при осуществлении ОРД. Для устранения данного пробела необходимо подготовить правовой акт федерального уровня, в котором был бы закреплён статус руководителя оперативного подразделения как участника ОРД.

Разработка данного нормативно-правового документа будет способствовать повышению качества ОРД, установлению четких полномочий и обеспечению ответственности руководителя оперативного подразделения как участника оперативно-розыскной деятельности за принимаемые решения в ходе осуществления служебной деятельности.

Д. А. Конев

(Омская академия МВД России)

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Обеспечение криминологической безопасности цифровых технологий требует совершенно новых подходов, форм и методов деятельности правоохранительных органов, которые в современных условиях должны перепрофилироваться, чтобы обеспечить защиту жизненно важных

⁶⁾ Об утверждении Положения о Главном управлении по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 23 апреля 2016 г. № 209. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и иных существенных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и угроз. Это обусловлено нацеленностью государства на развитие цифровой экономики и формирование цифрового общества¹, которые в своем развитии могут привести как положительные, так и отрицательные изменения в общественную жизнь страны. Так, «процессы внедрения цифровых технологий не только диктуют новые правила созидания, но и увеличивают криминологические риски и угрозы, поэтому уже сегодня следует исследовать последствия столь стремительного всепоглощающего распространения цифровых технологий»². Благодаря их исследованию можно, используя методы криминологического прогнозирования, определить, «как будет меняться структура преступности, какие будут появляться новые формы организации преступных сообществ, как изменяется преступное поведение под воздействием технологий новой технологической революции и т. п.»³.

Вызывает озабоченность значительный рост числа преступлений, совершенных в сфере цифровых технологий. В 2019 г. было зарегистрировано 294 тыс. преступлений, что на 70% больше, чем в 2018 г. При этом 98,4 тыс. зарегистрированных преступлений относятся к категории тяжких и особо тяжких. Ущерб от хищений, совершенных с использованием цифровых технологий, в 2019 г., по данным МВД РФ, составил более 10 млрд рублей⁴. По результатам исследований, реальный рост этих преступлений выше на 792%. Распространение преступности «в сфере

¹ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. Там же ; О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683. Там же ; Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. Там же (программа утратила силу как выполнившая свою функцию) ; и др.

² Пинкевич Т.В., Нестеренко А.В. Проблемы обеспечения безопасности цифровых технологий в Российской Федерации // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25, № 4. С. 162.

³ Овчинский В.С. Как изучать организованную преступность в XXI веке. URL: <https://izborsk-club.ru/15222> (дата обращения: 14.05.2018).

⁴ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2019 года. URL: <http://genproc.gov.ru> (дата обращения: 17.02.2020) ; Ущерб от киберпреступлений в России превысил 210 млрд рублей. URL: <http://rg.ru> (дата обращения: 17.02.2020).

цифровых технологий, настолько велико, что еще раз подтверждает необходимость самого серьезного внимания со стороны государства к этой проблеме и взвешенного принятия решений по предупреждению правонарушений и преступлений в названной сфере»⁵.

В то же время следует признать, что в России пока не подготовлена правовая база, регулирующая создание и использование цифровых технологий и не создана система обеспечения криминологической безопасности в данной сфере, а также не определены ее основные направления. Еще не разработаны механизмы, позволившие бы пресекать криминологические угрозы и определять криминологические риски, которые влияют и могут повлиять в будущем на развитие, создание и применение на практике цифровых технологий, отсутствует мониторинг угроз криминологической безопасности в названной области, нет методики выявления и анализа криминологических рисков в сфере цифровых технологий и определения их влияния на уровень безопасности и пр.

Особое значение приобретает и определение количественных и качественных показателей преступности в сфере цифровых технологий, ее причинного комплекса, результаты исследования которого станут основой создания современного механизма обеспечения криминологической безопасности.

Вместе с тем для успешного снижения криминологических угроз в сфере цифровых технологий необходима работа на опережение, что требует грамотного анализа предполагаемых криминологических рисков и угроз от функционирования инновационных технологий. Непосредственное противодействие преступности должно осуществляться на основе грамотно построенной защиты инфраструктуры цифровой среды. Не следует забывать и о разработке норм, контролирующих криминогенные угрозы в названной сфере.

⁵ Пинкевич Т.В., Нестеренко А.В. Указ. соч. С. 163.

Р. А. Макаров

(Омская академия МВД России)

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ С БАНКОВСКИХ КАРТ, СОВЕРШЕННЫХ ДИСТАНЦИОННО, С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ

Обман, злоупотребление доверием и дистанционный способ являются специфическими чертами хищений с банковских карт, совершенных с использованием средств сотовой связи, и существенно отличают их от других видов хищений. Основная роль в организации профилактической работы, по нашему мнению, должна быть отведена следователям, которые выступают инициаторами и координаторами предупредительной деятельности по предотвращению преступлений. Для определения эффективных видов следственной профилактики хищений с банковских карт, совершенных дистанционно с использованием средств сотовой связи, необходимо определить обстоятельства, которые способствуют совершению рассматриваемых хищений:

1) низкая финансовая грамотность граждан, являющихся пользователями услуг, предоставляемых банковскими организациями и операторами мобильной связи;

2) возможность беспрепятственного приобретения злоумышленниками для совершения преступлений так называемых серых сим-карт;

3) возможность беспрепятственного приобретения злоумышленниками для совершения преступлений банковских карт, законными владельцами которых они не являются;

4) простота совершения дистанционных хищений с банковских карт с использованием средств сотовой связи. В сети Интернет имеется достаточное количество информации о том, как совершить дистанционное хищение, какие для этого необходимы знания и технические средства.

Установление и анализ обстоятельств, способствующих совершению дистанционных хищений, позволит следователю наиболее точно определить виды и содержание предупредительной работы.

Рассмотрим виды предупредительных мер по устранению обстоятельств, способствующих совершению хищений.

Оперативное совещание. Оценка эффективности межведомственного взаимодействия по предупреждению хищений с банковских карт,

совершенных с использованием средств сотовой связи, с участием представителей органов внутренних дел, прокуратуры, государственных и муниципальных органов власти, представителей Управления федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, операторов сотовой связи, дилеров, действующих от лица последних.

Повышение уровня финансовой грамотности населения. Проведение разъяснительной работы с гражданами, с вручением памяток по предупреждению хищений с банковских карт, совершаемых с использованием средств сотовой связи; выступление перед учащимися вузов, в учебных заведениях среднеспециального образования; учебно-разъяснительная работа с представителями (работниками) социальных служб; направление в банковские учреждения, в ФГУП «Почта России» информации профилактического характера для распространения среди клиентов указанных организаций; направление в Единые расчетные центры требований о нанесении на обратную сторону квитанций, выпускаемых Едиными расчетными центрами, информации профилактического характера и т.п.; направление в банковские организации предложений об информировании их клиентов посредством смс-сообщений, иной электронной рассылки; освещение в средствах массовой информации (телевидение, радио, печатные издания, Интернет) информации о типичных способах совершения дистанционных хищений.

Проведение профилактических операций. Их виды могут быть различны, наиболее эффективными на сегодняшний день являются:

1) «Сим-карта» — направлена на выявление лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью по распространению сим-карт операторов сотовой связи без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии);

2) «Банковская карта» — направлена на выявление лиц, занимающихся незаконной предпринимательской деятельностью по распространению банковских карт, в том числе через сеть Интернет.

Внесение представлений об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступлений, в адреса коммерческих, банковских организаций, операторам сотовой связи, дилерам.

Таким образом, установив обстоятельства, способствующие совершению хищений с банковских карт с использованием средств сотовой связи, следователь определяет виды и содержание всей предупредительной деятельности, применение которой происходит комплексно и всесторонне, под единоначалием следователя, выступающего ее организатором и координатором. Своевременное выявление профилактически значи-

мых данных о причинах и условиях, способствовавших совершению преступлений, их анализ и последующее устранение определяют эффективность профилактической деятельности в целом.

Е. А. Моляров

(Барнаульский юридический институт МВД России)

ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ»

Отождествление личности представляет собой оперативно-розыскное мероприятие (далее — ОРМ), которое заключается в установлении лиц, причастных к преступной деятельности либо находящихся в розыске, путем непроцессуального опознания личности по индивидуализирующим признакам¹. Данное мероприятие достаточно распространено в оперативно-розыскной практике. В ходе его проведения добываются установочные данные об отождествляемом лице, информация о наличии либо отсутствии связи конкретного лица с событием преступления и некоторые другие сведения.

Вместе с тем анализ оперативно-розыскной практики показывает, что осуществление исследуемого мероприятия может быть сопряжено с ограничением или даже нарушением гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина, а именно ограничиваются права граждан на неприкосновенность частной жизни, предусмотренное ст. 23 Конституции РФ, а в отдельных случаях свобода передвижения, предусмотренная ст. 27 Конституции РФ.

Вмешательство в частную жизнь граждан происходит в каждом случае проведения отождествления личности с использованием биометрических систем идентификации, поскольку в процессе использования данных систем осуществляется обработка персональных, в том числе

¹ Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» [с приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и обзоров практики Европейского суда по правам человека / отв. ред. В. С. Овчинский]; вступ. ст. В. Д. Зорькина. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2018. С. 98.

биометрических данных граждан без их согласия. Персональные данные граждан являются сведениями, относящимися к частной жизни². Следует учитывать и то, что биометрическая идентификация обеспечивается за счет баз биометрических данных граждан, формирование и ведение которых также расценивается как вмешательство в частную жизнь.

Анализ оперативно-розыскного законодательства показывает, что в настоящее время недостаточно регламентированы порядок, условия и пределы сбора, хранения, использования сведений, относящихся к частной жизни граждан, в ходе осуществления ОРД. Отдельно отметим, что законом не установлены конкретные сроки хранения персональных данных граждан в базах данных ОВД, механизм удаления персональных данных, добытых с нарушением установленных законом правил. Наличие таких пробелов в законодательном регулировании не позволяет в полной мере обеспечить соблюдение прав и свобод граждан и может приводить к излишнему и необоснованному вмешательству в частную жизнь в ходе использования биометрических систем идентификации. Проблема, связанная с недостаточным законодательным регулированием деятельности оперативных подразделений по добыче сведений, относящихся к частной жизни граждан, ранее рассматривалась А. Е. Чечетиным, И. Д. Шатохиным³ и некоторыми другими учеными. Особую актуальность данная проблема приобретает на фоне «глобальной цифровизации», призывов общества к пониманию необходимости введения полномасштабной биометрической регистрации⁴, стремительного увеличения количества камер видеонаблюдения в общественных местах с функцией автоматизированной идентификации граждан.

Еще одной проблемой является наличие в ОРД практики задержания и доставления в служебные помещения ОВД граждан, сходных по приметам с преступником, обнаруженных в ходе поисковых мероприятий. На этот счет имеется официальная позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой ОРМ «отождествление личности» не может предпола-

² *Телина Ю. С.* Конституционное право гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну при обработке персональных данных в России и зарубежных странах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 15.

³ *Шатохин И. Д.* Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2018. С. 106.

⁴ *Колотушкин С. М.* Обязательная биометрическая регистрация в России: проблемы и пути совершенствования // Совершенствование системы дактилоскопической регистрации : сб. мат.-лов науч.-практ. конф. (8 октября 2015 г.). М., 2016. С. 135–140.

гать задержание или доставку⁵. Проблема отсутствия правового регулирования задержания в ОРД не является новой, но при этом остается нерешенной. На это указывают результаты проведенного нами анкетирования, в соответствии с которыми 77% оперативных сотрудников осуществляли задержание лиц, сходных по приметам с разыскиваемым, для дальнейшего их непроцессуального опознания. Это указывает на необходимость продолжения научных дискуссий, направленных на решение обозначенной проблемы.

А. А. Патрушева

(Омская академия МВД России)

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО ПРИ ЗАЯВЛЕНИИ ИСКОВЫХ ТРЕБОВАНИЙ О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА РОДСТВЕННИКАМИ ЛИЦА, ПОГИБШЕГО В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска родственников умершего потерпевшего (пострадавшего) на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, отсутствуют законодательные препятствия наложению ареста на имущество. Тем не менее в ходе правоприменительной деятельности при заявлении исковых требований о компенсации морального вреда нередко используются спорные подходы.

Так, в одних случаях обеспечительные меры имущественного характера применяются, в результате чего приговор в части гражданского иска исполняется путем обращения взыскания на арестованное имущество¹.

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Михайлына Сурена Михайловича на нарушение его конституционных прав статьей 5 и пунктом 4 статьи 10 Закона Российской Федерации «О милиции», а также статьей 2 и пунктом 7 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2008 г. № 312-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Барнаула от 6 февраля 2018 г. по делу № 1–86/2018 ; Решение Центрального районного суда г. Красноярска от 26 октября 2018 г. № 2-1555/2018. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 07.03.2020).

В других случаях суды в наложении ареста на имущество отказывают со ссылкой на то, что «размер компенсации морального вреда какими-либо документами не обосновывается, а является суммой, заявляемой по усмотрению стороны спора, не представляется возможным говорить о соразмерности накладываемых обеспечительных мер той сумме, которая предположительно может быть взыскана судом в качестве компенсации морального вреда с учетом всех обстоятельств дела»².

В литературе вопрос относительно возможности наложения ареста на имущество при заявлении исковых требований о компенсации морального вреда является дискуссионным. Одни авторы полагают, что неимущественный вред, каковым является моральный вред, несмотря на то что он компенсируется в денежной форме, не подлежит обеспечению имущественным арестом³. Аргументы сторонников этой точки зрения сводятся к следующему. Условность размера морального вреда, заявленного потерпевшим, и невозможность объективно оценить его на момент принятия обеспечительных мер (поскольку сумма компенсации за причинение нематериального вреда устанавливается судом при вынесении приговора) обуславливают вероятность несоответствия стоимости арестованного в обеспечение гражданского иска имущества последующей сумме присужденной компенсации морального вреда. Указанное может повлечь нарушение права собственности гражданского ответчика, что, по мнению ученых, представляется недопустимым.

В связи с этим ряд ученых полагают, что мера процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество будет в полной степени соответствовать своим целям лишь в случае нормативного закрепления критериев, позволяющих определить размеры компенсации морального вреда на стадиях уголовного процесса, предшествовавших вынесению приговора. Тогда меры, принятые к обеспечению приговора в части таких исков, смогут надлежащим образом защитить права как потерпевших, так и подозреваемых, обвиняемых и лиц, несущих материальную ответственность за их действия⁴.

Нам более близка позиция авторов, полагающих, что при применении компенсации морального вреда как меры гражданской ответствен-

² Апелляционное определение СК по гражданским делам Омского областного суда от 13 августа 2014 г. по делу № 33-5287/2014. URL: <https://base.garant.ru/128480766/> (дата обращения: 07.03.2020).

³ См., напр.: Резник Г. Неимущественный иск не подлежит обеспечению имущественным арестом // Российская юстиция. 1994. № 6. С. 10–11.

⁴ См., напр.: Мытник П. В. Потерпевший в досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2001. С. 82.

ности определенные негативные последствия для правонарушителя вполне возможны и допустимы, тем более если основанием компенсации морального вреда является преступление⁵.

Ни ГПК РФ, ни УПК РФ не содержат каких-либо ограничений в применении обеспечительных мер по искам о защите нематериальных благ. Несмотря на то что компенсация морального ущерба призвана сгладить вред нематериальный, она осуществляется только в денежной форме, а значит наложение ареста на имущество в целях обеспечения приговора в части соответствующих исковых требований необходимо и оправданно. Такой подход будет способствовать обеспечению интересов членов семьи погибшего в результате преступления лица, которые претерпели нравственные страдания в связи с утратой родственника и на законных основаниях претендуют на компенсацию морального вреда, причиненного преступным посягательством.

А. Н. Савченко

(Омская академия МВД России)

ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА УГОЛОВНОГО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА — БУДУЩЕЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Одними из условий судебного разбирательства являются непосредственность и устность. Непосредственность регулирует порядок исследования материалов дела судом и означает, что состав суда обязан лично, без каких-либо посредников, исследовать все доказательства по делу¹. Она является предпосылкой к реализации устности, определяет форму судебного разбирательства, которое представляет собой судоговорение.

В эпоху народовластия, когда суд применял неписанные законы, производство судебных дел носило словесный характер. С распространением письменности последняя стала служить судебному производству, закрепляя следы устной речи, сохраняя при этом свежесть первоначаль-

⁵ См., напр.: *Кривошецов Н. В., Булдакова В. К.* Наложение ареста на имущество как основная мера обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2014. № 1(27). С. 88.

¹ *Курс уголовного процесса* / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головки. URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/golovko_kurs_ugolovnogo_processa (дата обращения: 02.04.2020).

ного наблюдения и значительно облегчая работу памяти². Действующее законодательство сохранило письменность для предварительного расследования. Все действия в ходе предварительного расследования фиксируются в протоколах, решениях и т. д. В конечном счете уголовное дело поступает к судье в письменном изложении. Устность как способ судебного разбирательства означает, что все доказательства должны быть представлены суду в устной форме. Но не будет нарушением устности представление в письменной форме доказательств, которые по своей природе предполагают письменную форму; объяснение между сторонами происходит в устной, словесной форме, но обращение к письменной форме не нарушает правил устности, если оно ограничивается задачами облегчения памяти или доставления слову большей степени точности и бесспорности.

В настоящее время, в условиях развития информационного общества, люди перестают пользоваться бумажными носителями, предпочитая электронные. Внедрение достижений научно-технического прогресса во все сферы государственной деятельности поддержано руководством страны и выражено в соответствующих нормативных актах³.

Уголовный процесс начинает внедрять цифровые технологии, в результате чего письменность приобретает новую форму — электронную.

Так, субъекты уголовно-юрисдикционной деятельности наделены правом формировать процессуальные документы не только типографским, но и электронным способом (ст. 474 УПК РФ). Копии судебных решений могут изготавливаться в форме электронного документа (ст. 474¹ УПК РФ). Исполнительный лист вместе с копией судебного решения может направляться судом для исполнения судебному приставу-исполнителю в форме электронного документа, подписанного судьей электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (ст. 393 УПК РФ). По заявлению участника уголовного судопроизводства суд может направить ему копию судебного решения в электронном виде с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет (ст. 474¹ УПК РФ). При применении технических средств для фиксации хода и результатов следственного действия законодатель разрешает отказаться от участия понятых при производстве следственных действий в случаях, предусмотренных ст. ст. 115, 177, 178, 181, 183 (за ис-

² Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996.

³ О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента РФ от 9 марта 2017 г. № 203 ; Об утверждении доктрины информационной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646.

ключением случаев, предусмотренных частью 3¹), ч. 5 ст. 185, ч. 7 ст. 186 и ст. 194 УПК РФ.

Многие страны перешли к производству электронных уголовных дел. Они успешно развиваются в данном направлении. Назревает необходимость и в России вводить электронную форму досудебного производства.

Внедрение электронного уголовного дела, несомненно, повлечет определенные проблемы и трудности, связанные с созданием рабочих мест, оснащенных новейшей техникой, безопасной сети и хранилищ, обучением сотрудников, подключением каждого сотрудника к базам данных для получения в он-лайн режиме необходимых документов и справок, разработкой шаблона электронного уголовного дела и процессуальных документов, внесением изменений в Уголовно-процессуальный кодекс и другие нормативные документы и т. д.

Электронное уголовное судопроизводство откроет ряд преимуществ в виде: сокращения сроков расследования и повышения его качества; минимизации рисков фальсификации материалов; доступа к материалам в режиме реального времени и упрощения процедуры рассмотрения уголовного дела; сокращения финансовых затрат; надежного хранения уголовного дела и ликвидации института восстановления уголовного дела.

Модернизация уголовного судопроизводства должна вестись одновременно в двух направлениях: во-первых, в направлении внедрения новых информационных технологий, а во-вторых, в направлении усовершенствования самого процесса. Инструментом модернизации уголовного судопроизводства может стать переход от бумажного к электронному уголовному делу⁴.

Внедрение в практику электронного уголовного дела не может быть стихийным. Предлагается детальная разработка макета уголовного дела, образцов документов и т. д., а также введение в практику расследования уголовных дел в электронной форме по составам преступлений небольшой тяжести. Это позволит плавно и без потрясений перейти к электронному судопроизводству.

⁴ Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело — инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.

П. М. Титов

*(Уральский юридический институт МВД России
г. Екатеринбург)*

ОБЖАЛОВАНИЕ ПРИГОВОРА ИЛИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Реализация в Российской Федерации различных форм уголовно-процессуального производства подчеркнута демократическими преобразованиями, происходящими в последние двадцать лет в различных сферах жизни общества. Концепция судебной реформы 1991 г. провозгласила верховенство закона, основы прав и свобод человека и гражданина, что нашло отражение в ныне действующей судебной системе. Но окончательного реформирования последней еще не произошло.

Суд является независимым органом, полномочным принимать судьбоносные для людей решения. Данная деятельность четко регламентирована от стадии подготовки и назначения судебного заседания до обжалования действий и решений суда. Независимо от того, какое решение примет суд, оно может быть обжаловано любой из сторон в течение 10 суток со дня его провозглашения. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) содержит один из принципов уголовного судопроизводства в ст. 323 УПК РФ, а именно право на обжалование тех или иных действий и (или) решений.

По данным статистики, 75%, т.е. 2/3 оправдательных приговоров в Российской Федерации приходится на данную категорию дел, что составляет 10–13% от общего количества уголовных дел, рассматриваемых судами. Если уголовное преследование по категории частного обвинения возбуждается потерпевшей стороной, а именно частным обвинителем, то имеется возможность, согласно ч. 9 ст. 132 УПК РФ, взыскать процессуальные издержки полностью или частично с лица, по жалобе которого было начато производство по данному делу. Как указано в апелляционном определении Свердловского областного суда, «возмещение вреда за счет средств частного обвинителя главой 18 УПК РФ не предусматривается, но не исключается использование гражданско-правового механизма защиты прав добросовестных участников уголовного процесса от злоупотребления своим правом со стороны частного обвинителя...»¹.

¹ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 22 мая 2018 г. № 33-7578/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2020).

Считаем необходимым, разбирая вопрос о взыскании издержек с частного обвинителя, обратить внимание на следующие обстоятельства:

1) свидетельствующие о добросовестном заблуждении частного обвинителя по инициации уголовного преследования;

2) определяющие, присутствует ли факт злоупотребления правом на осуществление уголовного преследования другого лица в порядке частного обвинения.

Исследование показало, что все вопросы, касающиеся категории дел частного обвинения, имеют неоднозначный, дискуссионный характер.

Современный этап обжалования решения по уголовному делу частного обвинения не представляет собой достаточно сложного и четкого механизма, что обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования соответствующего законодательства. При этом лицо, которое подвергалось уголовному преследованию, в соответствии с действующим законодательством получает право на реабилитацию в случаях, когда обвинительный приговор по делу частного обвинения отменен и уголовное дело прекращено по основаниям, указанным в УПК РФ.

А. Е. Цепилов

(Омская академия МВД России)

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ХИЩЕНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСЗАКУПОК

Бюджетные средства во все времена притягивали к себе особое внимание преступного элемента. Значительный объем государственных ассигнований ежегодно выделяется государственным и муниципальным органам власти на финансирование их деятельности, в том числе на закупку товаров, работ и услуг, которая осуществляется путем заключения государственных контрактов. От своевременного и качественного их исполнения зависит стабильная работа министерств и ведомств, что в свою очередь необходимо для экономического развития отдельных сфер жизнедеятельности нашего общества и всей страны в целом.

По данным Министерства финансов Российской Федерации, в 2019 г. заключено около 3,4 млн госконтрактов, общий объем которых составил

7,7 трлн рублей¹. При этом, по данным ГИАЦ МВД России, за указанный промежуток времени зарегистрировано 661 преступление в сфере госзаказа, из которых 298 мошенничеств, 25 — иные формы хищений. Установлено 320 лиц, их совершивших, 231 лицо привлечено к уголовной ответственности. Размер материального ущерба, причиненного в результате совершения этих противоправных деяний, составил 3 807 454 тыс. рублей².

В связи с колоссальным размером причиняемого вреда, а также высоким социальным статусом подозреваемых и обвиняемых данная категория преступлений вызывает широкий общественный резонанс. В сложившейся ситуации в целях предупреждения, выявления и раскрытия указанных противоправных посягательств особую актуальность приобретает изучение оперативно-розыскной характеристики лиц, их совершающих.

Ранее научными исследованиями в этом направлении занимались Д. В. Паршин, А. Е. Ступницкий и др.³ Однако стоит отметить, что постепенное изменение законодательства в сфере государственного заказа приводит к необходимости пересмотра и обновления информации.

В результате ознакомления с научными трудами и следственно-судебной практикой мы пришли к выводу, что к наиболее значимым для решения задач оперативно-розыскной деятельности признакам субъектов, совершающих хищения бюджетных средств при осуществлении госзакупок, следует отнести обладание определенными должностными полномочиями и полимотивированность их преступного поведения. Специфика рассматриваемых общественных отношений существенно ограничивает круг лиц, имеющих доступ к бюджетным средствам. Анализ архивных уголовных дел по данной категории преступлений показал, что в 33,3% хищений они совершены должностными лицами получателя бюджетных средств, в обязанности которых входило: проведение

¹ Министерство финансов Российской Федерации. URL: <http://minfin.ru/ru/> (дата обращения: 23.03.2020).

² ИСОД МВД России. Форма № 495 «5-БЭП». URL: <http://10.5.0.16/> (дата обращения: 23.03.2020).

³ Ступницкий А. Е. Проблемные вопросы содержания оперативно-розыскной характеристики преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2011. № 4. С. 21–28; Паршин Д. В. К вопросу о личности преступника как элементе криминалистической характеристики хищения бюджетных средств, предназначенных для реализации приоритетных направлений развития сельского хозяйства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4. С. 111–120; Ермаков С. В., Макаренко М. М. Расследование хищений бюджетных средств, совершаемых при государственных закупках // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11. С. 152–156.

конкурентных процедур; прием поставленного товара, выполненных работ или оказанных услуг; подписание платежных документов. В 66,7% случаев незаконные действия совершили руководители коммерческих организаций или индивидуальные предприниматели, являющиеся исполнителями государственных контрактов. Полимотивированность, по нашему мнению, заключается в стремлении таких лиц не только к повышенным материальным стандартам, которые не могут быть ими достигнуты в процессе законной трудовой деятельности, но и одновременно к достижению высоких социальных позиций в обществе или их удержанию. Именно эти мотивы противоправной деятельности были указаны среди основных сотрудниками оперативных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России (95,2% и 77,4% соответственно)⁴.

Хищения бюджетных средств при осуществлении госзакупок — это преступления с заранее продуманным планом их подготовки, совершения и сокрытия. Осуществление всех перечисленных действий одним лицом не всегда возможно. Как показало наше исследование, в 27,1% случаев субъекты противоправной деятельности объединялись в группы, у каждого члена которых были свои роли и функции.

Такие социально-демографические признаки, как пол, возраст, образование, семейное положение в целях выявления данного вида преступлений не имеют выраженного практического применения, хотя и обладают определенной спецификой. В ходе исследования нами получены сведения о том, что хищения рассматриваемой категории совершают преимущественно мужчины (89,6%) в возрасте от 36 до 50 лет (77,1%). Ситуация с остальными возрастными группами выглядит следующим образом: от 18 до 25 лет — 2,1%; от 26 до 35 лет — 12,5%; от 50 и старше — 8,3%. В 85,4% случаев лица, совершившие хищения бюджетных денежных средств при осуществлении госзакупок, имели высшее образование, в 64,6% состояли в браке, в 6,3% ранее привлекались к уголовной ответственности. Представленные статистические данные можно объяснить тем, что для совершения указанных преступлений необходимо наличие уверенных знаний в области финансовых и договорных отношений, а также имиджа делового, состоявшегося в социальном и материальном плане человека, добропорядочного партнера.

Таким образом, сведения о характерных чертах лиц, совершающих хищения бюджетных средств при осуществлении госзакупок, позво-

⁴ При анкетировании по этому вопросу допускалась возможность указать несколько вариантов ответов.

лит оперативным сотрудникам сузить круг лиц, требующих пристального оперативного контроля, обеспечить своевременное проведение ОРМ по выявлению и документированию их противоправной деятельности.

К. В. Шаров

(Омская академия МВД России)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ: ОБЪЕКТИВНЫЙ И СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОРЫ

Анализ практики расследования незаконного оборота оружия показывает, что наибольшее значение для оценки криминалистической сущности данной группы преступлений имеют особенности обстановки их совершения и типы преступников. При этом наиболее важными специфическими типовыми структурными элементами обстановки являются данные о месте, времени, производственно-бытовых факторах, о ее вещественных элементах. Так, по данным С. Г. Павликова, изготовление огнестрельного оружия самодельным способом чаще всего совершается в условиях промышленного производства с наличием необходимого оборудования (в 70–80% случаев)¹. По нашим данным, к этой же группе следует отнести и оружие, изготовленное в кустарных условиях с использованием деталей, почищенных на производстве. Так изготавливается более 85% взрывных устройств.

Хищение оружия и комплектующих деталей к нему с оружейных заводов, как свидетельствует обобщение практики, совершается вследствие слабой технической укрепленности и охраны объектов, на которых производится и хранится оружие. Хищение комплектующих производится с различных участков технологической цепочки в основном до того момента, как они взяты на строгий учет. Возможность соверше-

¹ Павликов С. Г. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. URL: <http://dlib.rs/ru/01000259430> (дата обращения: 01.03.2020).

ния такого хищения обусловлена высокой технологичностью производства оружия, которая позволяет из отдельных деталей после несложной механической доработки в домашних условиях с использованием самого простейшего слесарного инструмента собирать вполне боееспособное оружие.

Для характеристики способа хищения оружия с заводов-изготовителей необходимо учитывать особенности следующих четырех стадий хищений. На первой стадии происходит непосредственное хищение комплектующих деталей в процессе их производства. Далее (вторая стадия), используя нелегальные каналы, детали переправляют за охраняемый периметр нередко с помощью работников ВОХР или транспортных предприятий. Затем (третья стадия) в домашних условиях осуществляется сборка оружия. Наконец, четвертая, завершающая стадия представляет собой реализацию готового оружия.

К объективным факторам, детерминирующим противодействие расследованию, следует в первую очередь отнести обстановку противодействия, под которой понимается совокупность условий, объектов и отношений, существующих в период воспрепятствования выполнению задач предварительного расследования. В результате изучения уголовных дел по фактам краж оружия в учреждениях и организациях установлено, что в 78% таких случаев имели место серьезные нарушения в учетной документации, в 62% — в организации охраны мест его хранения.

К субъективным факторам, обуславливающим противодействие расследованию, следует отнести действия участников уголовного процесса и иных лиц, преследующих собственные цели и имеющих мотивы на противодействие расследованию по уголовному делу.

Что касается особенностей субъектов преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, то следует различать следующие типы: случайный, ситуационный, злостный.

Тип «случайного» преступника характеризуется отсутствием анти-социальной направленности, совершением преступлений под влиянием случайно возникших факторов, например, в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств. «Ситуационный» преступник совершает преступления при наличии определенных факторов, например, предложений изготовить, перевезти оружие за соответствующее вознаграждение и т. п. Типу «злостного» преступника, как правило, свойственно осознанное и целенаправленное совершение преступления в целях прямого или опосредованного получения нелегальных доходов при совершении незаконного оборота оружия. Часто эти лица являются членами организован-

ных преступных формирований². Знание типологических особенностей субъектов таких преступлений обеспечивает успех розыскной работы, помогает прогнозировать возможные проявления новых преступлений и принять меры к их предупреждению, а также пресечь противодействие расследованию.

Таким образом, характер и степень противодействия расследованию требуют учитывать объективные и субъективные факторы.

² Бритвич Н. Г. Первоначальные следственные действия и их роль в построении методики расследования // Методика расследования преступлений: Общие положения. М., 1976. С. 80.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Андреев Д. В. Особенности учета продажи нелегальной алкогольной продукции	3
Баталов Д. Е. К вопросу о соотношении международной и национальной безопасности	5
Веренич А. В. Обоснованность привлечения несовершеннолетних к административной ответственности за нарушения в области дорожного движения, зафиксированные техническими средствами, работающими в автоматическом режиме	7
Волк-Леонович С. О. Взгляды Ф. И. Леонтовича на проблемы происхождения государства у восточных славян	10
Квасов В. Б. О необходимости соблюдения норм международного права в отношении конвоируемых лиц при их перевозке специальным автомобильным транспортом.	12
Красилова Е. В. Правозащитная функция государства	14
Кротова Е. Н. Философские предпосылки исследования неправомерных деяний в системе юридических фактов.	16
Молотков М. Б. Право и закон в политико-правовых взглядах М. М. Сперанского	18
Никулина А. В. Ведомственное нормотворчество: сущность и назначение	20

Хасанов Д. Р. Крестьянская реформа 1861 года как фактор, повлиявший на гуманизацию правовой политики Российского государства	22
Юрицин А. А. Субстанциональные и инструментальные правовые формы государственной власти.	24

РАЗДЕЛ II. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Абрамкин А. Д. Некоторые проблемы определения предмета злоупотреблений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.	26
Булгакова В. Р. Характеристика субъекта преступления, предусмотренного статьей 327 Уголовного кодекса Российской Федерации.	28
Гошт И. А. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного статьей 322 ³ УК РФ	30
Дизер О. А. Проблемные вопросы уголовно-правового регулирования провокации преступления.	33
Кельм С. И. Проблемы жилищно-коммунального хозяйства как причина социальной напряженности и преступности	35
Лазарчук О. С. Понятие самоуправства в российском уголовном законодательстве: исторический аспект	38
Лебедев С. В. Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности за преступление, предусмотренное статьей 200 ³ УК РФ	41
Лещенко В. П. Проблемы дифференциации уголовной ответственности за мошенничество с использованием электронных средств платежа	43
Мурин Д. А. Проблема юридической конструкции состава приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем (статья 175 УК РФ)	45
Мурина Ю. В. Основания криминализации халатности.	47
Огорелков Д. А. Перспективы применения уголовного наказания в виде штрафа	50
Петрова И. В. Недвижимое имущество как объект уголовно-правовой охраны.	52

Рюмшин И. С. Общественная опасность мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию	55
Старостенко О. А. Социально-психологическая характеристика жертвы мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	58
Суверов С. Е. Юридическая характеристика постпреступного поведения лица, направленного на примирение с потерпевшим, как основание для применения статьи 76 УК РФ	60
Уматкулова Р. Р. Усмотрение в уголовно-исполнительном праве: постановка проблемы	62
Шерстюков С. А. Уголовно-правовая регламентация преступлений экстремистской направленности, совершаемых в сети Интернет	64
Щербинин Е. С. Привлечение к уголовной ответственности как признак состава преступления, предусмотренного статьей 299 УК РФ	66
Энхтур Ж. Совершенствование нормативного регулирования порядка исполнения штрафа в уголовном законодательстве Монголии	69

РАЗДЕЛ III. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Андриенко Ю. А. Быстрое и полное исследование обстоятельств преступления: сравнительно-правовой аспект	71
Гараева Т. Б. Совершенствование нормативного регулирования временного отстранения от должности при производстве по уголовным делам	74
Горчакова Е. В. Должностной регламент (должностная инструкция) как способ делегирования уголовно-процессуальных полномочий в органах дознания МВД России на уровне района	77
Дивольд В. Е. Предпосылки создания Концепции национальной системы биометрической идентификации личности	79

Дорош Е. Ю. Принуждение в оперативно-розыскной деятельности: проблемы законодательного регулирования	82
Зенькин Д. В. Гарантии соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина при производстве по делам оперативного учета	84
Ильиных С. С. Современное состояние правового регулирования статуса руководителя оперативного подразделения органа внутренних дел при осуществлении оперативно-розыскной деятельности	87
Конев Д. А. Цифровые технологии и обеспечение криминологической безопасности	89
Макаров Р. А. Основные виды профилактической деятельности при расследовании хищений с банковских карт, совершенных дистанционно, с использованием средств сотовой связи	92
Моляров Е. А. Проблемы соблюдения конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскного мероприятия «отождествление личности»	94
Патрушева А. А. Наложение ареста на имущество при заявлении исковых требований о компенсации морального вреда родственниками лица, погибшего в результате преступления	96
Савченко А. Н. Электронная форма уголовного досудебного производства — будущее уголовного процесса	98
Титов П. М. Обжалование приговора или постановления по делам частного обвинения	101
Цепилов А. Е. Оперативно-розыскная характеристика лиц, совершающих хищения бюджетных средств при осуществлении госзакупок	102
Шаров К. В. Противодействие расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия: объективный и субъективный факторы	105

Научное издание

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАЦИИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

*Материалы всероссийской научной конференции
адъюнктов, аспирантов и соискателей*

Редактор О. В. Арёфьева

Корректор Л. И. Замулло

Технический редактор Е. И. Агамян

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 09.10.2020. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 6,5. Уч.-изд. л. 5,3. Тираж 110 экз. Заказ № 163.

Редакционно-издательский отдел

Отделение полиграфической и оперативной печати

644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7